

РАННИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ КНЯЗЯ ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА, СВЯЩЕННОИНОКА ЕФРОСИНА БЕЛОЗЕРСКОГО: (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Просперо:

«...к тому же, зная, как я дорожу
Своими книгами, он мне позволил
С собою захватить те фолианты,
Что я превыше герцогства ценю».

*Уильям Шекспир. «Буря».*¹

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа основана на гипотезе. Базовое положение, которое было сформулировано нами на основании анализа совокупности различных древнерусских текстов, заключается в утверждении тождества двух известных по историческим источникам лиц — князя Ивана Дмитриевича Шемякина и священноинока Ефросина, по месту пребывания значительную часть жизни в Кирилло-Белозерском монастыре называемого нами Белозерским. Мы словно соединяем две части разорванной картины (или расколотой иконы?) и получаем удивительную судьбу человека, который мог бы стать правителем страны, но сделался одним из самых выдающихся ее книжников. Недостаточная полнота дошедших до нас источников по истории Древней Руси XV в. принуждает нас лишь пытаться складывать фрагменты этой картины. Некоторые детали биографии реконструируются достаточно надежно, другие остаются лишь предположениями и догадками. Поскольку предварительное обоснование предлагаемого отождествления уже было ранее отдельно опубликовано,² наши соображения (как историче-

¹ Шекспир У. Буря / Перевод Мих. Донского // Шекспир Уильям. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 130.

² Гипотеза о биографии Ефросина Белозерского до пострижения в монахи впервые была высказана и обоснована нами в статье: Бобров А. Г. Попытка одного отождествления (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 270—278; см. также: Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2005. Т. 22. P. 264—277.

ские, так и текстологические), лежащие в основе гипотезы о тождестве князя Ивана и священноинюка Ефросина, будут здесь изложены по мере развития сюжета.

В настоящей работе предметом рассмотрения является ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича — священноинюка Ефросина: его предполагаемое происхождение и годы жизни от рождения во второй половине 1430-х гг. (не ранее 1437 г.) до прихода в Кирилло-Белозерский монастырь (предположительно, в конце января 1469 или 1470 г.). Таким образом, данное исследование посвящено первым приблизительно 30—33 годам жизни нашего героя.

Священноинюк Ефросин стал известен исследователям как выдающийся книгописец сравнительно недавно: на его литературную и культурно-просветительную деятельность впервые обратил внимание Я. С. Лурье.³ В последующие годы появились работы того же и других авторов, посвященные различным аспектам книгописного и литературного творчества Ефросина.⁴ Особо отметим детальное описание сборников Ефросина, выполненное М. Д. Каган, Н. В. Поньрко и М. В. Рождественской.⁵

---

³ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130—168.

⁴ Основные биографические сведения и обзор работ о творчестве Ефросина см.: Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 227—236; Кистерев С. Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии // Очерки феодальной России. М., 1997. [Вып. 1]. С. 65—79. Из работ последующего времени следует назвать: Кистерев С. Н. 1) Круг знакомств Ефросина Белозерского // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 61—87; 2) Ефросиновский извод славяно-русской редакции византийского Земледельческого закона // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина. СПб., 1998. С. 295—304; Шибаев М. А. 1) К вопросу о бумаге Толстовского списка Софийской I летописи и сборников Ефросина // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 200—205; 2) О новом автографе монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Там же. С. 208—222; 3) Списки Софийской I летописи Младшей редакции и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 102—118; 4) «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Там же. М., 2003. Вып. 7. С. 29—57; Romanchuk R. 1) Efrosin of Kirillov and the Paschal-Pentecost Cycle of Kirill of Turov // Slavica Bergensia. Bergen, 2000. Vol. 2. P. 148—174; 2) Byzantine Hermeneutics and Pedagogy in the Russian North: Monks and Masters at the Kirillo-Belozerskii Monastery, 1397—1501. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2007. 368 p.; 3) An Unpublished Florilegium of Efrosin of Kirillov and the Supplication of Daniel the Exile // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 44—45 (in print); Бобров А. Г. 1) Попытка одного отождествления... С. 270—278; 2) Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский. Р. 238—298; 3) Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 134—144; 4) Чин мироварения в автографе Ефросина Белозерского // Там же. СПб., 2008. Т. 58. С. 833—856.

⁵ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3—300.

На сегодняшний день известно 10 дошедших до нас рукописей, содержащих автографы Ефросина Белозерского.⁶ Шесть сборников Ефросина были подробнейшим образом описаны в 1980 г.⁷ Еще одна рукопись представляет собой небольшой фрагмент описанного сборника,⁸ а другая — грамоту, написанную, как установил Я. С. Лурье, рукой Ефросина.⁹ Недавно М. А. Шibaевым был обнаружен еще один небольшой текст (менее страницы), переписанный этим кирилло-белозерским книжником.¹⁰ Наконец, автором данной статьи на основании сопоставления почерков было установлено, что в сборнике РНБ, Софийское собр., № 1462 также находятся листы, переписанные Ефросином Белозерским в феврале 1500 г.

Для удобства дальнейшего изложения приведем перечень ефросиновских автографов.

- 1) РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 6/1083 (далее — КБ 6).¹¹
- 2) РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086 (далее — КБ 9).¹²
- 3) РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088 (далее — КБ 11).¹³
- 4) РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099 (далее — КБ 22).¹⁴
- 5) РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1554 (далее — Пог. 1554).¹⁵

---

⁶ В статье М. А. Шibaева (*Шibaев М. А. Новые данные о книгописной деятельности Ефросина Белозерского*) в настоящем издании учтены еще 5 вновь обнаруженных автографов Ефросина, представляющих собой его записи и пометы на полях рукописных книг, хранившихся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря. Таким образом, общее число ефросиновских автографов теперь достигло 15.

⁷ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 3—300.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 163 (№ 229); Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 347—356.

¹⁰ Шibaев М. А. О новом автографе... С. 208—222.

¹¹ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 144—172 (описание выполнено Н. В. Поньрко). Ефросину принадлежит текст на л. 2—2 об., 15—18, 59—170, 176, 179—249, 285—299, 308 об.—317 об., 337—350 об., 397 об.—398, 403—406 об.

¹² Там же. С. 105—144 (описание выполнено М. Д. Каган). Ефросину принадлежит текст на л. 1—237, 254—276 об., 283—289 об., 300—300 об., 301 об., 307, 308—308 об., 309—473, 517—528 об., 564—569.

¹³ Там же. С. 172—196 (описание выполнено Н. В. Поньрко). Ефросину принадлежит текст на л. 20—387 об., 391—502 об.

¹⁴ Там же. С. 7—105 (описание выполнено М. Д. Каган). Ефросину принадлежит текст на л. 1—46 об., 88—198 об., 201—274 об., 283—321 об., 323 об.—324, 327—344, 346—370 об., 372—372 об., 380—443 об., 475—476 об., 501—514.

¹⁵ Ефросину принадлежит текст на л. 13—19 об. Семь листов из рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, хранившейся тогда еще в самой обители, были вырваны археографом П. М. Строевым и включены им в конволютную рукопись (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1554, л. 13—19). Отождествление фрагментов принадлежит Р. П. Дмитриевой (см.: *Дмитриева Р. П. Взаимоотношение*

6) РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 53/1130 (далее — КБ 53).¹⁶

7) РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 67/192 (далее — КБ 67).¹⁷

8) ГИМ, собр. Уварова, № 338 (894) (365) (далее — Ув. 338).¹⁸

9) РНБ, Софийское собр., № 1462 (далее — Соф. 1462).¹⁹

10) РГАДА, ф. 281 (Грамоты коллегии экономии), № 8/12841 (далее — Грамота).²⁰

Кроме того, в Описании библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, выполненном в конце XV в., достаточно подробно описаны еще три «ефросиновских» рукописи, к сожалению, не дошедшие до нашего времени: 1) «Соборник Ефросиновский большой»;²¹ 2) «Среднеи Соборник Ефросинов»;²² 3) «Меньшеи Соборник Ефросинов».²³

списков «Задончины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 251 (сн. 78)).

¹⁶ *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников... С. 196—215 (описание выполнено М. В. Рождественской). Ефросину Белозерскому, по мнению исследовательницы, принадлежит текст на л. 130—155 об., 274—280 об., 300—317, но М. А. Шibaев полагает, что рукой Ефросина переписаны не только эти листы, но также и л. 194 об.—273 об., 281—299 об. (см.: *Шibaев М. А.* Списки Софийской I летописи Младшей редакции... С. 106).

¹⁷ Ефросину принадлежит часть текста на л. 1 об. (выписка из «Наказания о покаянии» Ефрема Сирина). См.: *Шibaев М. А.* О новом автографе... С. 208—222.

¹⁸ *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников... С. 215—241 (описание выполнено Н. В. Поньрко). Ефросину принадлежит весь текст рукописи (л. 1—638 об.).

¹⁹ Ефросину принадлежит текст на л. 98—112. Содержание: «Чин и устав, како святяци святое и великое миро» (л. 98—111 об.) и примыкающий к нему рецепт составления мира, озаглавленный в рукописи так: «А се имена зеляям греческы и рускы» (л. 111 об.—112). См. подробнее: *Бобров А. Г.* Чин мироварения... С. 833—856.

²⁰ Данная грамота Ивана Владимировича Кулудара (Ирежского) Троице-Сергиеву монастырю на вотчины в Угличском уезде.

²¹ Содержание: слова и поучения отцов церкви (славянские сочинения: Слова Климента «Словенского» и Григория Цамблака); памяти, жития и чудеса святых (славянские сочинения: Житие Игнатия Ростовского, Чудо Варлаама Хутынского о умершем отроке Григории); апокрифы: «Житие Богородицы», Первоевангелие Иакова; Палея Историческая и др. (*Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. 17—29 (ОЛДП. № 113)).

²² В конце «чернового описания» сделана помета: «В лѣто 6983 месяца декабръ». Содержание: Слово Григория Цамблака, Житие Дмитрия Солунского, апокриф «Деяния апостола Фомы в Индѣе» и др. (*Никольский Н. К.* Описание рукописей... С. 70—83).

²³ Содержание: слова и поучения отцов церкви (славянские сочинения: Слова Кирилла Туровского, Григория Цамблака, Иоанна «Болгарьскаго», Кирилла Философа); памяти, жития и чудеса святых (славянское сочинение: Житие Леонтия Ростовского); апокриф «Пренесение нерукотворного образа»; «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона; отрывки из летописи («Володимера Киевскаго как крестися»; нач.: «В лѣто 6000 четверсотное девять...») и Речь Философа; нач.: «В лѣто шесть тыщное чety...»); Сказание о Борисе и Глебе (нач.: «Родь праведныхъ благословится, рече пророк...») и др. (*Никольский Н. К.* Описание рукописей... С. 57—70).

Как заметили М. Д. Каган и Я. С. Лурье, «само имя книгописца <...> и все сведения о его жизни почерпнуты из записей, сделанных им в этих сборниках». ²⁴ Ефросин Белозерский нигде в своих сборниках прямо не говорит о своей жизни до пострижения в монахи, но определенные сведения о раннем периоде биографии кирилло-белозерского книжника можно извлечь из анализа содержания и репертуара переписанных им текстов, из характера осуществленного им редактирования текстов и допущенных описок, из особенностей его лексики, из интерпретации некоторых исторических фактов. Далее мы увидим, какие персонажи русской истории особенно интересовали Ефросина, что именно привлекло его внимание среди летописных текстов, а также памятников, посвященных русским святым, и генеалогических перечней князей.

Рассматривая предлагаемое на суд читателей жизнеописание в качестве гипотетической реконструкции, напомним, какое значение придавал этому «средству оживления фактов и гипотез» Д. С. Лихачев: «С помощью реконструкции текстолог в известной мере может проверить свои предположения, сделать их наглядными и удобовоспринимаемыми». ²⁵ Именно такую задачу, хотя и не в текстологическом, а в научно-биографическом жанре, ставит перед собой автор.

II. ДЕТСТВО

2.1. Родители

Князь Иван Дмитриевич являлся правнуком Дмитрия Донского, единственным потомком по мужской линии (внуком) второго сына Дмитрия Донского Юрия Дмитриевича Галицкого ²⁶ и сыном Дмитрия Шемяки, отравленного летом 1453 г. в Великом Новгороде по поручению великого князя Василия Темного. Дмитрий Юрьевич Шемяка был сыном Юрия Галицкого и княгини Анастасии Юрьевны (ум. в 1422 г.), дочери смоленского князя Юрия Святославича. Иван Дмитриевич родился уже после смерти своего знаменитого деда Юрия Дмитриевича, который умер, будучи «великим князем»,

---

²⁴ Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин. С. 227.

²⁵ Лихачев Д. С. Текстология: (На материале русской литературы X—XVII веков). 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 462.

²⁶ Хотя у Юрия Дмитриевича Галицкого было четыре сына (Иван, ставший иноком Игнатием, Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный), все они, кроме Шемяки, судя по всему, умерли бездетными, и только у князя Дмитрия Юрьевича Шемяки был единственный сын Иван и дочь Мария. Первый из братьев умер в 1432 г., второй после ослепления в 1436 г. прожил еще более 10 лет, но уже не принимал участия в феодальной войне, а Дмитрий Юрьевич Красный умер 22 сентября 1440 г. (Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 32, 89, 131, 224).

в 1434 г., поэтому он мог знать о нем только из письменных и устных источников.

В сборниках Ефросина мы находим три упоминания Юрия Дмитриевича Галицкого. Первое из них посвящено рождению и крещению князя; оно входит в состав краткого летописца Ефросина: «В лѣто 6883 [1375] ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сынъ в Переяславли Юрии, и крести его преподобнии игумен Сергие старецъ».²⁷ Это известие восходит к тексту Троицкой летописи.²⁸ Второе упоминание Юрия Галицкого представляет собой одно из заключительных известий основной части краткого летописца Ефросина и посвящено кончине этого князя: «Того же (1434 г. — А. Б.) лѣта преставися князь Юрии Дмитреевичъ».²⁹ Оба упоминания в кратком летописце Ефросина давно умершего князя представляются нам неслучайными (здесь, например, ничего не говорится о рождении в 1371 г. старшего сына Дмитрия Донского Василия), что подтверждается третьим его упоминанием, на этот раз в записи на полях, которое представляет собой своего рода примечание к упоминанию имени Сергия Радонежского: «Сергие преставися в лѣто 6900 месяца семпевра 25, жил 70 лѣт, 30 лѣт игумениль, а Никонъ 40 лѣт игумениль, потом Сава <...> лѣт. *Князь Юрьи Дмитреевич хрестникъ его* (курсив мой. — А. Б.)».³⁰

Отцом Ивана Дмитриевича был князь Дмитрий Юрьевич Шемяка. По мнению В. Л. Янина, «дата рождения Дмитрия Шемяки неизвестна, летописцы упоминают его только с 1433 г.».³¹ Как полагал Г. В. Семенченко, первое косвенное упоминание в источниках Шемяки содержалось в Завещании митрополита Фотия (около 1 июля 1431 г.).³² В этом документе, согласно Софийской второй и Львовской летописям, говорилось о том, что Фотием дается прощение и благословение русским князьям, в том числе поименно великому князю Василию Васильевичу, его матери великой княгине Софье Витовтовне, сыновьям Дмитрия Донского Андрею и Константину и, наконец, «благовѣрному

²⁷ РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1554, л. 15.

²⁸ Ср.: «Тое же осени въ Филипово говѣние мѣсяца ноября въ 26 день, на память святого отца Алимпия столъпника и святого мученика Георгия, князю великому Дмитрию Ивановичю родися сынъ князь Юрьи въ градѣ Переяславлѣ, и крести его преподобнии игумень Сергии, святыи старецъ» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 397).

²⁹ РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1554, л. 15.

³⁰ См.: КБ 22, л. 167; *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников... С. 48.

³¹ *Янин В. Л.* Посмертная судьба Дмитрия Шемяки // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 342.

³² См.: *Семенченко Г. В.* Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1991. [Вып.]. 22. С. 188—193.

князю Ивану Юрьевичю и его братьи».³³ Отсутствие в этом перечне Юрия Дмитриевича Галицкого, по мнению Г. В. Семенченко, следует объяснять умышленным или случайным пропуском в протографе Софийской второй и Львовской летописей.³⁴ Согласно А. И. Плигузову, «переработанный вариант» завещания Фотия, где «опущено имя Юрия Дмитриевича», появился между ноябрем—декабрем 1430 г. и июнем 1431 г. и объясняется редактированием текста самим иерархом; отсутствие благословения Юрия Дмитриевича было связано с тем, что этот князь еще при жизни митрополита Фотия начал борьбу со своим племянником Василием Васильевичем за великое княжение.³⁵ Для нас важно другое: упомянутый Иван Юрьевич, согласно гипотезе Г. В. Семенченко, — это неизвестный родословным книгам старший сын Юрия Галицкого, о смерти которого упоминает Типографская летопись: «В лѣто 6940 (1432 г. — А. Б.) преставися князь Иван Юрьевич в Галиче в великое говение в мнишеском чину, и положен бысть во церкви святого Спаса».³⁶ Этот же князь, очевидно, упоминался Дмитрием Шемякой в конце 1440 г., когда он сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь «на поминоку своему отцу, великому князю Юрию Дмитриевичу, и своей матери, и своей братьи, инока Игнатия и князя Дмитрия Юрьевича (Меньшого, Красного. — А. Б.), и всему нашему роду».³⁷ Таким образом, можно утверждать, что в Завещании митрополита Фотия 1431 г. был упомянут старший из сыновей Юрия Дмитриевича Иван, позже ставший монахом с именем Игнатий и на следующий год скончавшийся в Галиче,³⁸ а также остальные три брата без имен («и его братьи»): Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный.³⁹

---

³³ ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2. Софийская вторая летопись. С. 60; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, первая пол. Львовская летопись. С. 236.

³⁴ Семенченко Г. В. Неизвестный сын Юрия Галицкого... С. 191.

³⁵ См.: Плигузов А. И. О Духовной грамоте митрополита Фотия // *Фотий*, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения. Книга глаголемая Фотиос. М., 2005. С. 344—345.

³⁶ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. Типографская летопись. С. 132.

³⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 120 (№ 164).

³⁸ Г. В. Семенченко предполагал, что к уходу Ивана Юрьевича в монастырь мог быть причастен его отец, «недовольный связями сына с Москвой», и задавался вопросом: «самая смерть этого князя была ли естественной?» (Семенченко Г. В. Неизвестный сын Юрия Галицкого... С. 193).

³⁹ Существует еще более ранняя, чем 1431 г., дата косвенного упоминания Дмитрия Шемяки. В Описи архива Посольского приказа 1626 г. упомянут несохранившийся договор 6936 (1427/28) г. между Василием Васильевичем и «великим князем» Юрием Дмитриевичем с его сыном Дмитрием Меньшим, следовательно, в это время Шемяка уже имел младшего брата и по каким-то причинам, наряду со старшими братьями, не принял участия в заключении договора между отцом и Василием II (см.: Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 38—39).

Родился князь Дмитрий Юрьевич задолго до даты своего первого упоминания в сохранившихся источниках, которые умалчивают о его рождении и юных годах. Поскольку его отец Юрий Дмитриевич женился в 1400 г., а его супруга княгиня Анастасия Юрьевна умерла в 1422 г.,⁴⁰ В. Л. Янин делает вывод, что «в год смерти (в 1453 г. — А. Б.) Дмитрию по чисто формальным данным было не меньше 31 и не больше 52 лет»,⁴¹ т. е. он мог родиться между 1401 и 1422 гг. Учитывая, что Шемяка был третьим, предпоследним сыном князя Юрия, точнее будет сказать, что он родился между 1402 и 1421 гг. Исследователь предположительно определил возраст Шемяки в год смерти «примерно в сорок пять лет, что соответствует наблюдениям Гинзбурга над мощами Софийского собора».⁴² Однако исследование останков Дмитрия Юрьевича, предпринятое известным антропологом В. В. Гинзбургом, позволило ему утверждать, что он умер в возрасте не 45, а около 40 лет.⁴³ Поскольку это произошло в 1453 г., следовательно, Дмитрий Шемяка родился приблизительно в 1413 г.; к тому времени, когда на Руси разгорелась война за великое княжение, ему было около 20 лет и он еще не был женат. В это время он и появляется на страницах исторических источников как действующее лицо.

В воскресенье, 8 февраля 1433 г., князь Дмитрий Юрьевич со своим старшим братом Василием Косым присутствовал на торжественном событии в Москве — на свадьбе великого князя Василия Васильевича с княгиней Марией Ярославной (характерно, что отсутствовали по каким-то причинам Юрий Дмитриевич и младший из его сыновей, Дмитрий Красный (Меньшой): вновь, как и в договоре 1427/28 г., они оказываются вместе противопоставлены старшим сыновьям). Один из бояр узнал на Василии Косом золотой пояс, якобы принадлежавший Дмитрию Донскому и подмененный тысяцким прямо на его свадьбе. Мать великого князя Софья Витовтовна сорвала пояс с Василия Косого, после чего братья «роззлбившись» покинули свадьбу и отправились в Галич к отцу. Поскольку пояс является магическим объектом,⁴⁴ эти события развязали феодальную междоусобицу, продолжавшуюся с перерывами около трех десятилетий.

---

⁴⁰ См.: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. С. 229, 245.

⁴¹ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 106.

⁴² Там же.

⁴³ Гинзбург В. В. О «мощах» из Софийского собора в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 8. С. 86—88.

⁴⁴ См., например: Байбурич А. К. Пояс (к семантике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 5—13; Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. С. 31—35 и др.

Первое сражение завершилось победой Юрия Дмитриевича и его сыновей над Василием II на реке Клязьме 25 апреля 1433 г. После поражения Василий Васильевич получил благодаря заступничеству фаворита («любовника») князя Юрия Дмитриевича боярина Семена Федоровича Морозова в удел Коломну, где стали собираться его сторонники. Старшие братья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — убили Морозова «в набережных сенях» кремлевского дворца, сказав: «Ты учинил ту беду отцу нашему и нам; издавна еси коромолник, а наш лиходеи, не дашь нам у отца нашего жити».⁴⁵ Оказывается, вина за разногласия между отцом и его старшими сыновьями возлагалась на человека, посоветовавшего дать потерпевшему поражение Василию Васильевичу свой удел. Такое решение братья Юрьевичи называют «бедой», поскольку в Коломну стали стекаться все противники Юрия Дмитриевича. Получается, вопреки мнению С. Б. Веселовского,⁴⁶ что старшие братья придерживались не «промосковской», а, наоборот, более решительной позиции, чем их отец.

После убийства боярина Семена Морозова отношения между отцом и старшими сыновьями вновь были разорваны. Братья «отъехали» на Кострому, а Юрий Дмитриевич добровольно передал великое княжение Василию II и уехал в свой удел. Летом 1433 г. был заключен договор между великим князем с союзными князьями и Юрием Дмитриевичем с Дмитрием Красным, согласно которому галицкий князь и его младший сын обязались «не приимати» Василия Косого и Дмитрия Шемяку (по-прежнему верный отцу Дмитрий Красный получил в удел Бежецкий Верх). 28 сентября 1433 г. в битве на реке Куси старшие сыновья князя Юрия вторично разбили великокняжеское войско, но Юрий Дмитриевич отказался «взяти княжение под Васильем Васильевичем».⁴⁷ После того как Василий II совершил «через мирную руку и правду»⁴⁸ поход на Галич, князь Юрий вместе с детьми в третий раз разбил великого князя в битве 20 марта 1434 г. у св. Николы на горе в Ростовской земле, а 31 марта победоносно вошел в Москву.

Василий Васильевич, не найдя поддержки на Руси, уже было «въсхоте пойти в Орду», но 5 июня 1434 г. Юрий Дмитриевич внезапно умер. После почти одновременной смерти двух сыновей Дмитрия Донского — великого князя Юрия Дмитриевича и углецкого князя Константина Дмитриевича (9 мая 1434 г.) при активной помощи Дмитрия Юрьевича Шемяки великим князем вновь стал сын Василия

⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. Ермолинская летопись. С. 147.

⁴⁶ Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 340—344.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 24. С. 182

⁴⁸ Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 42.

Дмитриевича — Василий II. Бывшие до сих пор союзниками Василий Косой и Дмитрий Шемяка теперь оказались в разных лагерях. В то время как Дмитрий поддержал Василия II и в благодарность за это летом 1434 г. был пожалован «выморочным» после смерти Константина Дмитриевича Углицким княжеством, старший брат — Василий Юрьевич — продолжал упорно бороться за принадлежавшее их отцу великое княжение. Потерпев поражение в битве на реке Которосли 6 января 1435 г., он направился через Кашин и Вологду в Заозерье (за Белым озером), где разбил войско князя Дмитрия Заозерского и взял в плен его мать и сестру. После непродолжительного мира Василий Косой захватил Галич и 1 января 1436 г. осадил Устюг, который пал после девятидневной осады.⁴⁹

В это же время, зимой 1436 г., Дмитрий Шемяка приехал в Москву звать великого князя в свою столицу Углич на свадьбу с княгиней Софьей Дмитриевной, дочерью только что пострадавшего от Василия Косого князя Дмитрия Васильевича Заозерского, однако был арестован и сослан с приставом Иваном Старковым в Коломну. В ответ на это двор Шемяки («княжи Дмитреевы братни дворяне 500 человек»⁵⁰) во главе с воеводой Акинфом Волынским присоединился к Василию Косому, но в решающей битве 14 мая 1436 г. на реке Черехе в Ростовской земле победу одержал Василий II; его противник был захвачен в плен, а спустя неделю ослеплен.⁵¹ Победив и ослепив Василия Косого, великий князь послал за Дмитрием Шемякой в Коломну и «пожаловал» его (очевидно, освободил). К началу лета 1436 г. свадьба угличского князя с Софьей Дмитриевной уже состоялась, поскольку в докончании 13 июня этого года Шемяка упоминает своего «тестя».⁵²

Дальнейшие драматические события феодальной войны в России первой половины XV в., активным участником которой был Шемяка, хорошо известны, поэтому мы коснемся их кратко ниже, в связи с детскими годами Ивана Дмитриевича, а также с отражением их в сборниках Ефросина Белозерского и в связанных с ними летописных памятниках. Заметим лишь, что князь Дмитрий Юрьевич Шемяка был «книжным» человеком. Об этом свидетельствуют сами его противники, церковные иерархи, направившие ему в 1447 г. послание с призывом прекратить борьбу за великое княжение. Приведем

⁴⁹ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 74.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 23. С. 149.

⁵¹ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 76—77. В заключительной части краткого летописца Ефросина упоминается это событие: «В лѣто 6945 (1437 г. — А. Б.) поймали князя Василиа Юриевича маиа 14» (РНБ, собр. М. П., Погодина, № 1554, л. 15).

⁵² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 89—100 (№ 35).

ряд примеров из священной истории, авторы послания говорят Дмитрию Шемяке, что могли бы еще много писать, «но сам, господине, как ти дал Бог разум, потонку разумеешь Божественное Писание». ⁵³

О матери князя Ивана Дмитриевича известно немного. Она была дочерью князя Дмитрия Васильевича Заозерского, дяди последнего ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого, и одновременно праправнука святого Федора Ярославского. Иван Дмитриевич, таким образом, по материнской линии был прямым потомком «новоявленного» в 1463 г. ярославского чудотворца, которым впоследствии особенно интересовался Ефросин Белозерский. ⁵⁴

2.2. Углич

По-видимому, единственный сын Дмитрия Шемяки и Софьи Иван родился в Угличе не ранее 1437 г. (но вряд ли и много позже), где прожил примерно до 9—10 лет. У него была сестра Мария, дата рождения которой также неизвестна.

После заключения докончания между Василием Васильевичем и Дмитрием Шемякой 13 июня 1436 г. мир продолжался до осени 1441 г., когда Василий II пошел войной на Углич. ⁵⁵ Великокняжеский дьяк Кулудар Владимирович Ирежский предупредил Шемяку об опасности, и тот заблаговременно отступил в Бежецкий Верх, за что великий князь велел изменника «кнутьем бити, по станом вода, да и дьячество отнял у него». ⁵⁶ Как отметил Ю. Г. Алексеев, «после такого бесчестья Кулудар на службе великого князя оставаться не мог и, как и следовало ожидать, окончательно перешел в стан его врагов». ⁵⁷ В 6956 (1447/48) г. он находится на службе у Ивана Андреевича Можайского, а после ликвидации самостоятельности Можайского княжества в 1454 г. перешел на службу к его брату Михаилу.

---

⁵³ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. М., 1986. [Вып.] 1. С. 114.

⁵⁴ Кирилло-белозерский книжник поместил в своих сборниках древнейший список Пространного вида проложного жития Федора Ярославского и Смоленского (Черного) (КБ 22, л. 389 об.—392), Тропарь на перенесение мощей «Феодору и с чады его» (КБ 6, л. 190—192) и Родословие ярославских князей от Федора Черного до Александра Брюхатого (к его имени сделана помета «продал Ярославль») и его сына Даниила (КБ 9, л. 522 об.—523). См. подробнее ниже.

⁵⁵ Возможно, конфликт 1441—1442 гг. был вызван тем, что великий князь Василий Васильевич после смерти младшего брата Шемяки — Дмитрия Юрьевича Красного — захватил его удел (Смирнов П. П. Древний Галич и его важнейшие памятники // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1948. Т. 9, вып. 1. С. 98; Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 243).

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 23. С. 150.

⁵⁷ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерки развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 159.

лу Андреевичу Белозерскому (Кулудар подписывает его грамоты середины 1450—1460-х гг.⁵⁸). Как мы убедимся впоследствии, дьяк Кулудар был хорошо знаком священноиноку Ефросину.

Уже в следующем, 1442 г., мы снова видим Дмитрия Шемяку в своей столице — Угличе. Более того, у него появился новый союзник — князь Александр Васильевич Чарторыйский, лишенный Василием II своего суздальского княжения. Летом 1442 г. два союзных князя двинули свои войска на Москву, но под Троице-Сергиевой лаврой их примирил с великим князем игумен Зиновий. Об этих событиях, как отметил Я. С. Лурье, «сообщил северный (кирилло-белозерский) свод, отразившийся в Ерм. — СС» (т. е. в Ермолинской летописи и в Сокращенных сводах конца XV в.), а официальное летописание умолчало.⁵⁹ На следующий год, летом 1443 г., Чарторыйский стал княжить во Пскове.⁶⁰

За исключением событий 1441—1442 гг., в целом десятилетие после поражения Василия Косого в 1436 г. было достаточно мирным. Именно к этому времени Я. С. Лурье относит так называемые двуименные монеты Василия II и Дмитрия Шемяки, содержащие надписи «князя великого Василия» и «князя великого Дмитрия». Так как под 1437 г. оба они были названы в летописи «великими князьями», исследователь приходит к выводу, что между 1436 и 1445 гг. на Руси было своего рода «двоевластие».⁶¹ Столица великого князя Василия II находилась в Москве, а великого князя Дмитрия Шемяки — в Угличе. К этому же отрезку времени относится известная «Шемякина плащаница» — «воздух», являющийся вкладом в Юрьев монастырь князя Дмитрия Юрьевича, его жены Софьи и сына Ивана. Шитая золотом вкладная запись на этой плащанице (почерком XIX в., повторяющая содержание древней утраченной надписи) гласит следующее:

«В лѣто 6957 индикта 7, какъ былъ велики князь Дмитрии Юриевичъ в Великом Новѣгородѣ, и повелением великаго князя наряжен бысть сии воздухъ въ храмъ святаго великомученика Георгия того же лѣта месяца августа въ 23 день благоверною и его великою княгинѣю Софьею и при сыну благоверной (так! — А. Б.) князѣ Иванѣ. И положень бы[сть] въ церкви святаго великомученика Христова Георгия в Великом Новѣгородѣ в Юриевѣ манастырѣ при архиепискупе Велико Новагорода Евфимии, при архимандритѣ Миса-

⁵⁸ Там же. С. 160.

⁵⁹ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 89.

⁶⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 46.

⁶¹ Лурье Я. С. Двуименные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // Средневековая Русь. М., 1986. С. 84—88.

илѣ, за оставление греховъ и спасения ради душъ наши и наши дѣтѣи, и внучатом, и правнучатам, в семь вѣцѣ и в будущем. Аминь».⁶²

Соглашаясь с В. Л. Яниным в том, что «дата Шемякиной плащаницы неверна в той ее части, которая обозначена годовым числом», и что вместо 6957(1449) г. следует, в соответствии с индиктом, читать «6952» (1444),⁶³ мы не можем в то же время принять другой его вывод: «в 1444 г. Шемяка находился в Новгороде как гость, просивший и получивший временное убежище», а шитая легенда плащаницы с именованьем его «великим князем» появилась позже, в 1446—1456 гг.⁶⁴ Такое допущение совершенно необязательно, поскольку в 1444 г. Шемяка явно не нуждался во «временном убежище»; скорее всего, князь Дмитрий Юрьевич с семьей посетил Великий Новгород в августе 1444 г. как один из двух соправителей Руси — «великих князей».

Ситуация резко изменилась только 7 июля 1445 г., когда Василий II потерпел поражение от татар под Суздалем и был захвачен в плен, а всего через неделю пожар уничтожил всю Москву. Единственным великим князем «всая Руси» на время пленения Василия II остался Дмитрий Шемяка. Пообещав за себя огромный выкуп, Василий Васильевич 1 октября 1445 г. был отпущен на Русь с большим татарским отрядом для сбора денег; узнав об этом, Шемяка вновь укрылся в Угличе. Позже он переехал в Рузу, ставшую на время центром складывающейся антивеликокняжеской коалиции. В нее входили кроме самого Шемяки князь Иван Андреевич Можайский, Борис Александрович Тверской, многие из московских бояр, гостей и старцев Троице-Сергиева монастыря. Как отметил А. А. Зимин, «широкая оппозиция Василию II питалась в первую очередь тревогой за судьбу страны, ибо великий князь „навел“ на Русь татар, и чем это могло кончиться, никто не знал».⁶⁵ 12 февраля 1446 г. войска союзных князей взяли Москву, а в ночь с 13 на 14 февраля Василий II был захвачен в Троицком монастыре, привезен в Москву и ослеплен.

Хрестоматийным и общеизвестным считается факт, что именно Дмитрий Шемяка ослепил своего двоюродного брата Василия Темного. Так излагаются события, например, в псковских («князь великийи Дмитриеи Юриевиць Шемяка повелѣ его слѣпити»⁶⁶) и в запад-

---

⁶² Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971. С. 43 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-49).

⁶³ См.: Янин В. Л. Дата Шемякиной плащаницы // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 330—336.

⁶⁴ Там же. С. 334—335.

⁶⁵ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 109.

⁶⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 47—48.

норусских летописях («Князь Дмитрии Юрьевичъ Шемяка изымаша брата своего старьшого, князя великого московьского Василя Васильевича, и выимаша ему очи, а сама сяде на великомъ княжени на Москве»⁶⁷). Новгородское летописание возлагает ответственность сразу на трех князей, но первым среди них называет Шемяку: «Сдумавше 3 князя: князь Дмитрии Юрьевичъ, князь Иванъ Андрѣевичъ Можайский, князь великий Тферский Борисъ Александровичъ, изымаша князя великого Василя Васильевича Московьского, ослѣпиша его...».⁶⁸ Тверской автор не пишет об участии в заговоре своего князя, а инициатором ослепления изображает Дмитрия Шемяку: «Князь же Дмитрии <...> посла тамо брата своего, князя Ивана, и повели его изымати <...> Князь же Дмитрии <...> изымавъ великого князя Василя без вины, и приведе его на Москву, и ослепи».⁶⁹ Великокняжеское летописание также возлагает вину за ослепление Василя Темного в первую очередь на Шемяку.⁷⁰ В Львовской летописи особенно подчеркивается роль Дмитрия Юрьевича: он и Иван Андреевич Можайский «совѣтъ сотворивше изгонити великаго князя, а самому сѣсти на великомъ княжение» (единственное число местоимения «самому» может в данном случае относиться только к Шемяке), закрытые ворота монастыря отворяются его именем (якобы «князь Дмитрии Юрьевичъ приехал»). Далее во фразе «А князя великаго послалъ имати къ Троици въ Сергиевъ манастырь брата своего князя Ивана Можайскаго», похоже, отсутствует подлежащее (*nomina sunt odiosa*). Наконец, летописец отметил, что арестованного князя «посадиша на дворѣ на княже Дмитреевѣ древянемъ. В третии же день повелѣ (явно подразумевается Дмитрий Шемяка — А. Б.) ему очи выняти».⁷¹

Для нас крайне важно следующее: только восходящая к Кирилло-Белозерскому своду 1472 г. Ермолинская летопись, вопреки всем другим источникам, излагает события таким образом, что вина за ослепление Василя II возлагается не на Дмитрия Шемяку, а на князя Ивана Андреевича Можайского: «Князь Иванъ Андрѣевичъ погонилъ за великимъ княземъ к Троици, и тамо поймавъ его, и приведе на Москву, и, здумавше, ослѣпиша его, мѣсяца февраля 13».⁷² Очевидно, в этой формулировке проявилась тенденциозность летописца, пытавшегося оправдать князя Дмитрия Юрьевича.

⁶⁷ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. С. 61, ср. с. 79, 110.

⁶⁸ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, вып. 2. Новгородская четвертая летопись. С. 443; ср.: Там же. Л., 1929. Т. 4, вып. 3. С. 608.

⁶⁹ Инока Фомы «Слово похвальное» // БЛДР. СПб., 1997. Т. 7. Вторая половина XV века. С. 112—114.

⁷⁰ См., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 264—266.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 20, первая пол. С. 259—260.

⁷² ПСРЛ. Т. 23. С. 152.

После ослепления Василий Темный был сослан в самое надежное место — столицу Шемяки Углич; туда же были доставлены и дети Василия Васильевича — Иван и Юрий; здесь же, в Угличе, родился его третий сын Андрей «Горай», будущий углицкий князь с несчастливой судьбой. Созвав нечто вроде церковного собора («епископы и архимандриты со всея земли и честныя игумены и прозвительы»), Дмитрий Шемяка направился с ними в Углич, где состоялось примирение сторон. Василий Темный «во всем вину сам на ся возлагая» покался перед Шемякой и перед всем «христианством», «егоже изгубих и еще изгубити хотел есми до конца». 15 сентября 1446 г. Василий дал крестное целование и «проклятые грамоты», очевидно, с обязательством прекратить борьбу за великое княжение (эти документы до нас не дошли). В руки Дмитрия Юрьевича Шемяки в это время попали не только dokonчания и «проклятые грамоты» Василия II, но и великняжеская казна в целом, содержащая прежние «грамоты dokonчалныя, и ярлыки, и дефтери, и иные какие грамоты»: в июле 1447 г. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский обязуются вернуть их великому князю «по целованию». ⁷³ Спустя полгода, в декабре 1447 г., в Соборном послании русских иерархов князю Дмитрию Юрьевичу вновь говорится, что Шемяка «ялся еси брату своему старейшему великому князю отдавати ярлыки и dokonчалныя грамоты, и дефтери, и иные какие грамоты» и «не отдал еси». ⁷⁴ Как мы увидим далее, судьба казны продолжала беспокоить Москву и позже, в середине 1450-х гг.

Ослепленный князь Василий Васильевич был отпущен Шемякой на княжение в Вологду, в честь чего был устроен пир. На этом пиру в Угличе, скорее всего, девятилетний княжич Иван Дмитриевич должен был в первый и, наверное, единственный раз в жизни повстречаться со своим младшим троюродным братом, будущим великим князем Иваном III. На протяжении почти всего 1446 г. (с 12 февраля по 25 декабря) Москва была в руках Дмитрия Шемяки и его союзника Ивана Можайского, а Василий Темный тем временем из Вологды отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, игумен которого Трифон «с братиею» снял с него крестное целование. Начался новый виток феодальной войны. ⁷⁵ Вернувшись на путь военных действий, Василий Темный вступил в союз с князем Борисом Тверским и обручил своего малолетнего сына Ивана с его дочерью Марисей; на Рождество 1446 г. Москва вновь перешла в руки ослеп-

⁷³ Духовные и договорные грамоты... С. 141 (№ 46).

⁷⁴ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. С. 111 (№ 19).

⁷⁵ В результате событий 1446 г. крестное целование как социальный институт было разрушено. Не стоит даже говорить о правомерности этого действия с точки зрения церковных законов — в истории русской церкви еще будут более очевидные ситуации, когда незабываемые правила будут попирались во имя «нынешнего <...>

ленного великого князя, а московские и тверские войска осадили Шемякину столицу — Углич, который пал после недельной осады и артиллерийского обстрела. Капитуляция Углича ознаменовала победу Василия Темного, и 17 февраля 1447 г., через год после своего ослепления, он наконец с триумфом вернулся в Москву.⁷⁶ Шемяка с семьей укрылся в Галиче; тринадцатилетний период (1434—1447) углицкого княжения Дмитрия Юрьевича был закончен. Таким образом, большая часть детства Ивана Дмитриевича прошла в этом городе на берегу Волги.

До 1448 г. жена Шемяки Софья и сын Иван некоторое время находились в Галиче. Начавшийся новый этап феодальной войны принудил Дмитрия Юрьевича искать для своей семьи более безопасное место, и он обратился к новгородцам, чтобы они «княгнню приняли и сына Ивана».⁷⁷

III. ЮНОСТЬ

3.1. Новгород, Юрьев монастырь

В ответ на просьбу Шемяки «архиепископъ владыка Еуфимии и Великыи Новѣгородъ приша княгиню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осенинѣ въ Юрьевъ монастырь, а самъ князь великыи Дмитрии Юрьевичъ, въ Великомъ Новѣгородѣ не бывъ, пошедь Галицю».⁷⁸ Таким образом, осенью 1448 г. семья Дмитрия Шемяки была принята новгородцами и поселилась в Юрьевом монастыре. То обстоятельство, что князь Иван провел свои юные годы (примерно с 11 до 17 лет) в стенах обители, позволяет понять, почему впоследствии он мог избрать путь монашеского служения и даже стать священноиноком. Конечно, не случайно «потонку разумеющий Божественное Писание» Дмитрий Шемяка отдал сына в обучение именно в Юрьев монастырь под Новгородом, знаменитый своими книжными древностями.⁷⁹ Заметим, что о новгородском прошлом Ефросина Белозерского свидетельствует наличие «новгородизма» — цоканья в его наиболее ранней записи на рукописи, датированной 1463 г.:

временнаго устроения и тишины) (Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] I. С. 159). Назовем хотя бы отношение иерархов XVI в. к разводам Василия III и Ивана IV; возможность найти благосклонного к интересам властей не только игумена, но и митрополита была историей продемонстрирована не раз. Для русского средневековья с его «прецедентным» сознанием снятие крестного целования и аннулирование «проклятых грамот» игуменом монастыря, вероятно, должно было иметь значение санкционированного образца.

⁷⁶ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 122.

⁷⁷ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 192.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ См.: *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 15—23.

«В лѣто 6971 [1463] июля 18 в понедельник, днюю часть 9, *концахъ* (курсив мой. — А. Б.) Апокалипсис». ⁸⁰

В конце января 1450 г. великокняжеские войска взяли последний оплот Шемяки — Галич, после чего феодальная война была, по сути дела, завершена. Дмитрий Юрьевич бежал к семье в Новгород, а Василий Темный посадил в Галиче и Угличе своих наместников. Шемяке еще удалось на некоторое время занять Устюг, но поход на Русский Север 1452 г., который возглавлял 12-летний Иван Васильевич, вынудил Дмитрия вновь вернуться в Новгород. В этой связи особо следует отметить оказавшееся не учтенным в описании сборников Ефросина его характерное дополнение к тексту «Епистолии о неделе». После указания на дату оригинала, с которого переписывал Ефросин этот апокриф, 2 марта 6960 (1452) г., говорится: «того году, коли пошелъ князь великий Иванъ Василиевич съ всемъ своимъ воинством на князя Дмитриа Юрьевича на Шемяку» (КБ 11, л. 261). Это дополнение не восходит к летописным текстам, но имеет характер «припоминания», личной ассоциации с упомянутой в источнике датой. ⁸¹

Очевидно, Ефросин мог бы припомнить и другое памятное событие: в то время, когда Дмитрий Шемяка был «за Волоком», в Новгороде состоялась свадьба служилого новгородского князя Александра Васильевича Чарторыйского с сестрой Ивана Дмитриевича Марией. ⁸² Как нам представляется, примерно в это время женился и сам князь Иван Дмитриевич.

3.2. Жена Ивана Дмитриевича

В принадлежащем Ефросину Белозерскому «Слове о женах о добрых и о злых» ⁸³ имеется художественное описание двух типов жен, которое «напоминает разыгранную скоморохами сценку, где каждая ситуация может быть представлена в лицах». ⁸⁴ Вторгаясь в существующую целостность текста с его системой сопоставлений

⁸⁰ КБ 53, л. 155 об.

⁸¹ Ср.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 126: Василий Темный «отпусти сына своего великаго князя Ивана на Кокшенгу противу князя Дмитрея»; «А князь велики Иванъ да царевичъ с нимъ шед на Кокшенгу и градки их поимаша, а землю ту всю пусту поплениша и в полон поведоша. А ходиша до усть Ваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася назадъ вси здрави со многимъ пленомъ и с великою користью» (Софийская вторая летопись); ПСРЛ. Т. 20, первая пол. С. 262: «Ходиль князь велики Иванъ Васильевичъ ратию на рѣку Двину и воеваль Ноугородцкое Заволочие» (Львовская летопись) и т. д.

⁸² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.

⁸³ Каган-Тарковская М. Д. «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 382—386.

⁸⁴ Там же. С. 385—386.

и противопоставлений добрых и злых жен, суммируем качества «добрых жен» отдельно. Добрая жена, по Ефросину:

«мужа своего любит и доброхот во всем»,
«по очемь цѣлует и по устам любовнаго своего мужа»,
«главу своему мужу гребенемъ чешеть и милуеть его»,
«по шии руками своими обнимая, цѣлует любовно»,
«по утробѣ гладить мужа своего не лестию»,
«по чреву нѣжить аки истинная горлица, любовная ластовица»,
«по ногамъ гладить и ѣствою доброю питает его, мужа своего милого»,

«по рукам своима рукама гладить нелестно и любовно»,
«за шию обнимаяся, любезно цѣлует и радостно»,
«мылню готовить мужю своему почаству,
иная потѣшениа готовить, обѣд и вечерю»,
«мужу своему нелестная и правдивая,
в дому своем добра хочеть
дѣтемъ своимъ и внучатомъ».⁸⁵

Описание качеств доброй жены удивительно для древнерусской литературы: перед нашими глазами словно встает реальная, во плоти, ласковая и нежная супруга; «автор предполагает именно светские, житейские, семейные ситуации, отношения мужей и жен».⁸⁶ Думается, что Ефросин рисовал идеальный образ «доброй жены», в значительной степени опираясь на собственный жизненный опыт.

Кем же была жена князя Ивана? По мнению А. А. Зимина, сын Ивана Дмитриевича Василий Шемячич был рожден «от некой „чародеицы Греческия“»,⁸⁷ при этом исследователь сослался на два источника: псковскую летопись и сочинения Андрея Курбского.⁸⁸ Таким образом, согласно А. А. Зимину, Иван Дмитриевич женился на какой-то «колдунье, волшебнице, ворожее»,⁸⁹ происходившей из пределов бывшей Византийской империи. Исследователь, однако, ошибался: в псковской летописи ни слова не говорится о жене князя Ивана, а в сочинении Андрея Курбского «чародеицей Греческой» именуется, безусловно, не жена Ивана Дмитриевича, а Софья Палеолог, вторая жена Ивана III (см. подробнее ниже). Можно утверждать, что прямых упоминаний о жене князя Ивана Дмитриевича в

⁸⁵ КБ 6, л. 119—119 об.; см. изд. текста: *Каган-Тарковская М. Д.* «Слово о женах о добрых и о злых»... С. 383—384.

⁸⁶ Там же. С. 385—386.

⁸⁷ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 138.

⁸⁸ Псковские летописи. Вып. 1. С. 52; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 32б.

⁸⁹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1473.

известных нам источниках нет. Попытаемся, однако, высказать одну догадку (или даже гипотезу) о том, кем она могла быть.

7 ноября 1458 г. у великокняжеского дьяка Степана Никифоровича Бородатого⁹⁰ умер сын Илья. Произошло это, вероятно, в Ростове Великом, там же он был и похоронен. На могиле сына дьяк поставил резной белокаменный крест с весьма необычной надписью:

«В лѣто 6967 [1458] месяца ноеврия 7, на память святых мученикъ 30 и 3 в Мелети, при благовѣрнѣм великом князе Васильи Васильевичи всея Руси, при великом князе Иванѣ Васильевичи, при митрополите Ионѣ всеа Руси, при князе Володимерѣ Андрѣевичи Ростовском, при его брате и при архиепископѣ Феодоси Ростовском преставися рабъ Божии Илья Стефанов, сынъ дьяков, положен бысть в Ростовѣ у святого Воскресения. И аз многогрѣшнии Стефанъ дьяк, отецъ его, поставих крестъ си над гробом сына своего, и дал есми по нем великому Воскресению 2 деревни: Волково с Трызорливым да Лобково с Лисициным. И с тѣх деревень попу с дьяконом половина жита, черничам Воскресеньским половина жита. Дал есмь Воскресению в дом 10 рублев: попу 6, дьякону 4. А приказываю дому Воскресения смотрити господину Ивану Дмитриевичу зятю, и Аликсѣю Полиектовичу, и его сыну Роману. А кто похоче из дому Воскресения что взяти, или тѣ деревни купити или продати, силно с тѣми имѣю суд во второе пришествие пред самѣм Христомъ. А по сыну моему Илье по вся суботы поют два попа с дьяконом, весь род наш поминают».⁹¹

Как отмечает Ю. Г. Алексеев, в надписи на надгробном кресте «многогрешный Стефан дьяк» не приводит своего отчества, «что, может быть, косвенно свидетельствует о его незнатном происхождении», но при этом он — «вотчинник», поскольку дает вкладом деревни.⁹² Необычен сам факт помещения текста, содержащего вкладную запись в Воскресенский монастырь, на надгробном кресте.

⁹⁰ См. о нем из работ последнего времени: *Лурье Я. С.* Стефан Бородатый // *Словарь книжников*. Вып. 2, ч. 2. С. 416—417; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 161—162; *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова (XV—XVI вв.) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология*. СПб., 1999. С. 23—26.

⁹¹ *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства... Фотография креста на с. 166 (Табл. 66). Как отметила Т. В. Николаева, «если учесть, что древнерусской монументальной скульптуры от XV в. почти не сохранилось, то крест дьяка Бородатого приобретает особо важное значение». По мнению исследовательницы, «надгробные белокаменные кресты древней Руси очень редки. Их ставили по какому-нибудь особому случаю, чаще всего при насильственной смерти. Возможно, и здесь причиной заказа креста была необычная смерть сына дьяка Ильи» (Там же. С. 94).

⁹² *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 162.

Эта надпись содержит также специальное поручительство ответственности за исполнение распоряжения дьяка («смотри») трем лицам: «господину Ивану Дмитриевичу зятю, и Аликсѣю Полиектовичу, и его сыну Роману». Исследователи уже давно обратили внимание на то, что второй поручитель — это не кто иной, как упомянутый в летописях «Алексей Полуектович, дьяк великого князя», который известен тем, что советовал («из старины печаловался князю великому старому», т. е. Василию Темному) отобрать у ярославских князей их княжество. «Велико должно быть доверие великого князя Василия к своему дьяку, велика степень их близости, велико влияние дьяка и его представление о собственной роли, если он решался давать такого рода советы своему государю», — справедливо замечает Ю. Г. Алексеев.⁹³ И вот этот дьяк Алексей Полуектович, бывший одним из влиятельнейших лиц государства, назван в надгробной надписи, выполненной по заказу другого дьяка, Степана Бородатого, не на первом, а на втором месте, после некоего «господина Ивана Дмитриевича зятя»! Ю. Г. Алексеев предполагает, что этим человеком («зятем») мог быть либо дьяк Иван Ростовец, подписавший Жалованную грамоту Василия Темного в 1455—1462 гг. (но его отчество источники не указывают, совпадает только весьма распространенное имя), либо Иван Дмитриевич Ципля, дьяк князя Михаила Андреевича Вереяского, известный по документам начиная только с 1478/79 г. Этот дьяк был правнуком князя Юрия Святославича Смоленского. «Карьера Ципли свидетельствует об упадке значения удельно-княжеского боярства, — пишет Ю. Г. Алексеев, — для некоторых его представителей служба в канцелярии своего князя становилась вполне желательным вариантом жизненного пути».⁹⁴ Но отождествление упомянутого в надписи на кресте лица с дьяком Иваном Дмитриевичем Циплей действительно еще «менее вероятно» (замечание Ю. Г. Алексеева), чем с дьяком Иваном Ростовцем, поскольку он становится известен источникам двумя десятилетиями позже надписи на кресте, и потому, что он, скорее всего, не должен был бы стоять выше и именоваться уважительнее более опытного дьяка Алексея Полуектовича.⁹⁵

Оба предположения Ю. Г. Алексеева исходят из презумпции того, что «Стефан дьяк» мог быть родственником только другого государственного чиновника, дьяка. Но почему же в таком случае одного дьяка Степан Бородатый назвал «господином», а другого, причем едва ли не самого высокопоставленного, — не назвал? Предложенные Ю. Г. Алексеевым варианты отождествления «господина Ивана

⁹³ Там же. С. 163.

⁹⁴ Там же. С. 175.

⁹⁵ Там же. С. 162, 174—175.

Дмитриевича», думается, не позволяют удовлетворительно ответить на этот вопрос. На наш взгляд, речь в надписи на кресте идет о князе Иване Дмитриевиче, имевшем настолько более высокий социальный статус по сравнению с дьяком Алексеем Полуектовичем, что он как раз мог упоминаться впереди него, с добавлением уважительного титула «господин».⁹⁶ В таком случае следует полагать, что князь Иван был «зятем» Степана Никифоровича Бородатого, т. е. был женат на его дочери или сестре (в древнерусском языке существуют оба значения⁹⁷).

Возможен ли был такой брак в принципе? Положительный ответ на этот вопрос определяется тем, что древнерусские князья далеко не всегда женились на представительницах княжеско-боярской аристократии (самые известные, хрестоматийные примеры — это княгиня Ольга; жена князя Святослава Ольговича — мать Игоря Новгород-Северского; Феврония Муромская и т.д.). Кроме того, сами дьяки могли происходить из бояр и даже из княжеских родов (Иван Ципля). Заметим, что дьяк Иван Котов, который весной 1454 г. был на службе у великого князя Василия Темного (позже мы видим его у Михаила Андреевича Белозерского),⁹⁸ также оказывается, происходил из боярского рода, но не новгородского, как думал А. А. Зимин,⁹⁹ а находившегося первоначально при дворе великого князя Дмитрия Шемяки (именно он, наряду с новгородским боярином Исаком Борецким, подозревался в посредничестве при передаче отравы от дьяка Степана Бородатого Шемякиному повару¹⁰⁰). Про дьяка Алексея Полуектовича известно, что и он также был «вотчинником», владевшим по крайней мере двумя селами с деревнями в Ростовском уезде.¹⁰¹ Таким образом, в принципе дьяки могли

---

⁹⁶ Существительное «господин» вполне могло применяться по отношению к князю. См., например: «...святыйи Нифонте, помози моему господину Василку...» — в выходной записи 1219 г., по отношению к ростовскому князю Василько Константиновичу (1208—1238 гг.) (см.: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000. С. 108, 111); «вступита, господина, въ злата стремя»; «стрѣляи, господине, Кончака» — в «Слове о полку Игореве» по отношению к князьям Рюрику и Давиду, Ярославу Галицкому и т. д. Но почему Иван Дмитриевич не назван в приведенной надписи «князем»? Возможно, он рассматривался Стефаном Бородатым как «князь-изгой»?

⁹⁷ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1979. Вып. 6. С. 73; *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*. М., 1990. Т. 3. С. 436.

⁹⁸ *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 174—177.

⁹⁹ *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 154.

¹⁰⁰ См. в тексте Львовской летописи, восходящей к неофициальному своду 1480-х гг.: «Того же лѣта посла великийи князь Стефана Бородатого въ Новгородъ съ смертным зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха въ Новгородъ къ боярину князю Дмитреву (курсив мой. — А. Б.) Ивану Котову, повѣда ему рѣчь великого князя, он же обещася...» (ПСРЛ. Т. 20, первая пол. С. 262). См. подробнее ниже.

¹⁰¹ *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 182.

происходить из кругов княжеско-боярской аристократии, владеть «вотчинами», а следовательно, «недостаточно знатное» происхождение дьяка не могло быть заведомым препятствием к его вступлению в родство с князем Иваном Дмитриевичем.

Безусловно, дьяк Степан был одним из ближайших к великокняжеской семье людей. Так, например, именно он передает летописцу семейную легенду о чудесных обстоятельствах рождения Василия Темного (опасная болезнь матери, предсказание некоего старца монастыря Иоанна Предтечи на Бору о благополучных родах, указание неизвестного лица духовнику великого князя назвать младенца именем Василий).¹⁰² Другие дошедшие до нас известия о дьяке Степане Бородатом свидетельствуют о том, что его пути и интересы действительно неоднократно и весьма драматично пересекались с судьбой князя Ивана Дмитриевича Шемякина.

В то время, когда юный князь Иван Дмитриевич находился в новгородском Юрьевом монастыре, «замышлением» дьяка Степана Бородатого в Москве с 8 января по 25 марта 1452 г. была переписана Хроника Георгия Амартола для архиепископа Новгородского Евфимия II и его казначея старца Феодора, «сердечнаго его ради еже о сеи книзѣ желанія и любви».¹⁰³ Мы не знаем, было ли высказано старцем Феодором «желание и любовь» к Хронике Георгия Амартола в устной или в письменной форме, но можно констатировать определенные контакты между двумя влиятельными государственными руководителями Новгорода и Москвы. «Новгород, где скрывался Дмитрий Шемяка, был нужен Москве в качестве союзника, и в этом ракурсе исполнение „желания“ казначея новгородского архиепископа приобретало государственное значение», — справедливо пишет Т. В. Анисимова.¹⁰⁴ Эти контакты, похоже, имели продолжение. Забегая вперед, отметим, что в неофициальном летописании существовали две версии изложения обстоятельств отравления Дмитрия Шемяки. В обеих версиях совпадает подразумеваемый или прямо названный «заказчик» отравления — Василий Темный, один из его организаторов, доставивший яд в Новгород, — дьяк Стефан Бородатый, а также непосредственный исполнитель — княжеский повар. Разница состоит в том, что если в первом случае предполагаемым посредником между дьяком Стефаном и поваром выступает

¹⁰² См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 177; ПСРЛ. Т. 25. С. 241—242.

¹⁰³ РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 863, л. 347 об. (см.: Анисимова Т. В. О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 24—26). Заметим, что Ефросин Белозерский несколько раз переписывал в свои сборники отдельные фрагменты текста, восходящие к Хронике Георгия Амартола: КБ 22, л. 423 об.—425 об.; КБ 11, л. 368 об.—369 об.; 380—382.

¹⁰⁴ Анисимова Т. В. О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 28.

новгородский посадник Исаак Борецкий, то во втором им назван боярин Дмитрия Юрьевича Шемяки Иван Котов. Вторая версия представляется более достоверной не только из общих соображений, но и благодаря наличию в ней мельчайших подробностей, которые трудно было бы придумать (см. об этом подробнее ниже). Сейчас для нас важно, что, согласно этой версии, Стефан Бородатый, кажется, был вхож в дом Дмитрия Шемяки: он приезжает «к боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову», и они вместе приглашают повара «на сеи советъ». По-видимому, комментирующая летописный рассказ цитата из Псалтыри «яды хлебъ мои възвеличи на мя лествъ» (Пс. 40: 10) может быть если не прямо, то косвенно отнесена к обоим участникам преступления — не только к Ивану Котову, но и к Стефану Бородатому.¹⁰⁵ То удивительное обстоятельство, что дьяк Василия Темного Степан сумел вступить в переговоры и войти в доверие к боярину и к повару Дмитрия Шемяки, заклятого врага своего князя, находит логичное объяснение в том случае, если он уже был связан с домом Шемяки родственными отношениями или если речь шла о помолвке князя Ивана и дочери (или сестры) московского дьяка.

Судя по надписи на кресте, датируемой 7 ноября 1458 г., где «господин Иван Дмитриевич» уже именуется «зятем» Степана Никифоровича, женитьба состоялась, во всяком случае, не позже указанной даты. Скорее всего, князь Иван вступил в родство с великокняжеским дьяком еще до смерти отца в июле 1453 г., поскольку уже в это время Степан представляется вхожим в дом Шемяки (а ранние контакты дьяка с Новгородом датируются началом 1452 г.). Кроме того, после июля 1453 г. вряд ли Иван Дмитриевич захотел бы стать родственником человека, который подозревался в причастности к смерти его отца. Во всяком случае, в феврале 1456 г. у Ивана уже были дети, поскольку в тексте Яжелбицкого мирного договора между Москвой и Великим Новгородом последний обязуется «князя Ивана Дмитриевича Шемякина *и его детей* (курсив мой. — А. Б.) и его матери княгини Софьи и ее детей и зятяи Новгороду не приимати».¹⁰⁶

И в дальнейшем, до самой смерти Василия Темного, дьяк Степан Бородатый продолжает выполнять его ответственные дипломатические поручения. В 1450-х гг. он ездил с какой-то миссией в Литву к королю Казимиру. Мы узнаем об этом из текста Верительной грамоты митрополита Ионы дьяку великого князя Степану Боро-

---

¹⁰⁵ Эта же цитата из Псалтыри была использована в «Повести временных лет» под 6488 (980) г. при описании измены воеводы Блуда своему князю Ярополку (см.: Повесть временных лет // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI—XII века. С. 124).

¹⁰⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 43 (№ 23).

датоу и митрополичьему дяку Василию Карло, отправленным к польскому королю и литовскому великому князю Казимиру IV, обращаясь к которому, Иона пишет: «...и брат ваш, князь велики[й], о всем к тебе на своем листу написал и речми с своим диаком со Степаном приотказ[ал]. И Бог даст, господине и сыну, на его листу о всем великое ваше господство познает и от его посла послышишь».¹⁰⁷ Комментаторы (А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко) датируют составление Верительной грамоты дякам Степану и Василию временем «между февралем 1451 г. и летом 1458 г.», замечая, что никаких известий о посольствах за эти годы источники якобы не сохранили.¹⁰⁸ На самом же деле существует информация о поездке в Литву некоего великокняжеского «слуги» именно в эти годы. В материалах о местническом споре между Петром Михайловичем Плещеевым и Петром Лобаном Григорьевичем Заболоцким 7012 (1504) г. представлена не сохранившаяся до наших дней грамота, в которой, в частности, говорилось: «*Приехол слуга мои из Литвы* (курсив мой. — А. Б.), а сказоваят, что перед ним приехала княгиня Дмитриева Шемакина к сыну в Оболцы...».¹⁰⁹ Согласно В. Л. Янину, грамота может быть датирована концом февраля—мартом 1456 г.,¹¹⁰ но поскольку княгиня София Дмитриевна покинула Новгород только 7 февраля 1456 г., поездку великокняжеского «слуги» в Литву и упоминающую ее грамоту следует датировать несколько более поздним временем, предположительно весной—летом 1456 г.

Вполне возможно, что Верительная грамота Ионы дякам Степану Бородатому и Василию Карло относится к этому посольству 1456 г., т. е. «слугой» был назван именно Степан Никифорович. Хотя русско-литовские переговоры и консультации, посвященные опасности для Москвы, исходившей от литовских «беглецов», а также судьбе захваченной еще Дмитрием Шемякой великокняжеской казны с грамотами, могли происходить в это время достаточно регулярно, в данном случае обращает на себя внимание удивительная осведомленность великокняжеского «слуги». Он знает не только о

---

¹⁰⁷ Русский феодальный архив. [Вып.] 1. С. 206—207 (№ 61; публикация текста); Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. М., 1992. [Вып.] 5. С. 1017—1018 (комментарий).

¹⁰⁸ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 5. С. 1018. Т. В. Анисимова, незнакомя с публикацией Послания митрополита Ионы и с комментариями к публикации в указанном выше издании, без обоснования относит посольство ко времени «около 1450 г.» (Анисимова Т. В. О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 25).

¹⁰⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; Под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. 83—84.

¹¹⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 182.

самом приезде Софии Дмитриевны в Оболицы к сыну, князю Ивану (об этом молчат все остальные доступные нам источники), но и, словно заглянув в ее сундуки, утверждает, что она приехала «вмале добре, а казны с нею нет ничево». Только самый узкий круг приближенных к Ивану Дмитриевичу людей мог знать, что он собирается отправить в Великий Новгород за столь необходимыми ему документами казны своего человека («по казну де шлют в Новгород Чеватова»). Очевидно, это было непростое задание, если Софья Дмитриевна покинула Новгород без казны, «вмале добре». В контексте сказанного выше тот факт, что послом в Литву для обсуждения столь деликатных вопросов и, очевидно, для сбора информации был направлен именно дьяк Степан Бородатый, кажется нам вполне логичным: именно он, будучи близким родственником Ивана Дмитриевича, мог разузнать и о содержимом поклажи его матери, княгини Софьи Дмитриевны, и о намерении князя Ивана послать «по казну» доверенного человека.¹¹¹

В январе 1462 г. дьяк Степан являлся участником посольства великого князя Василия Темного в Великий Новгород. По мнению новгородского летописца, современника описываемых событий, это посольство было связано с какой-то «неправдою и нечестью», причем «оть многа замышления княжа возмуцахуся новгородци»; архиепископ решил не ехать в Москву, куда его, очевидно, приглашали послы, в результате чего «нача князь великийи Василеи Васильевич возмушатися отъ гнѣва на архиепископа Иону и на Великийи Новгородъ».¹¹² Хотя содержание переговоров из слов летописца понять трудно, по обоюдному «возмущению» сторон очевидно, что проходили они очень напряженно. Вскоре, в 1463 г., новгородцы направили в Литву посольство «о княжи возмущении еже на Великийи на Новѣгородъ Ивана Васильевича <...> ко князю Ивану Ондреевичю Можайску и къ князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великомъ Новегороде отъ князя великого»¹¹³ (см. об этом подробнее ниже). Употребление летописцем в известии 1463 г. того же самого термина «возмущение», что и при описании переговоров 1462 г., позволяет увязать требования московского посольства, в котором принимал участие дьяк Степан Бородатый, с последующим фактическим от-

---

¹¹¹ Не от своей ли дочери (или сестры) сумел выведать секретную информацию дьяк Степан Бородатый? На такую мысль нас наводят охотно цитируемые Ефросином сетования о «злых женах»: «Послушайте, жены, заповеди Божия, и да учитися молчати» (КБ 6, л. 117); «Премудры бо жены возградиша дома, а безумныя распаша языком своимъ» (КБ 6, л. 117 об.); «Луче жити в земли пустѣ, нежели с женою <...> язычною» (КБ 6, л. 118); «Лучши есть по морю во утлѣ корабли плавати, нежели со злою женою правды повѣдати» (КБ 6, л. 118 об.) и т. д.

¹¹² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 207.

¹¹³ Там же. Стб. 214.

казом Новгорода от положений Яжелбицкого мирного договора 1456 г. и обращением к находящимся в Литве князьям, в том числе к Ивану Дмитриевичу, за помощью против притязаний Москвы.¹¹⁴

После смерти Василия Темного, при его сыне Иване III, дьяк Степан Бородатый перешел на службу к вдове Василия — Марии (Марфе) Ярославне («своеи государыне великой княгине Марье» он купил село на Клязьме¹¹⁵), но в 1471 г. великий князь Иван III вновь его «испроси» у матери для участия в походе на Великий Новгород как «умѣющаго воротити лѣтописцем руским».¹¹⁶

Итак, дьяк Степан, бывший ближайшим доверенным лицом великого князя Василия Темного, выполнявший самые деликатные его поручения по делам, связанным с Дмитрием Юрьевичем Шемякой и его семьей, а также с Литвой и Новгородом, представляется нам близким родственником князя Ивана. На наш взгляд, весьма вероятно, что Иван Дмитриевич Шемякин был женат на дочери или на сестре дьяка Степана Никифоровича Бородатого.

3.3. Дело об отравлении Дмитрия Шемяки

Вернувшись в Новгород в начале 1453 г., Дмитрий Юрьевич Шемяка начал переговоры с Василием Темным. Мы знаем о них из Послания митрополита Ионы архиепископу Новгородскому Евфимию II, где говорится, что Москва потребовала от Шемяки направить «посла с чистымь покоениемь» к великому князю, «и жалования у него просити такова, как было Богу любо, а крестияньское бы устроение было и тишина, а ему бы как в чем было прожити по пригодью».¹¹⁷ «Пригодье», согласно «Словарю русского языка XI—XVII вв.», вообще значит «то, что нужно, полезно для повседневной потребности», хотя в нашем случае, приведенном в качестве примера, авторы словаря видят значение «как следует, надлежит, в соответствии с пользой».¹¹⁸ Смысл фразы становится ясен, однако, если мы будем понимать слово «пригодье» в его основном значении.

Предлагаемое «жалование» великого князя описано достаточно ясно, хотя и в иносказательной форме: здесь говорится о том, что Дмитрию Юрьевичу следует ожидать «жалования» не в виде

---

¹¹⁴ Скорее всего, московское посольство потребовало от Новгорода целовать крест как великому князю Ивану III.

¹¹⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. С. 280—281 (№ 386).

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 172.

¹¹⁷ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. С. 160.

¹¹⁸ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1994. Вып. 19. С. 132.

княжеского удела (а на что еще он должен был рассчитывать?), но в виде какого-то тихого богоугодного места, где было бы «крестияньское устройство» и где были бы обеспечены его повседневные потребности. На наш взгляд, это описание идеально подходит к монастырю, т. е. речь идет о пострижении князя Дмитрия Юрьевича в иноки.¹¹⁹ Но Шемяка не смирился: его ответный посол боярин Иван Новосильцев приехал с точки зрения Москвы «ни с чем, чему ся не мощно некоторыми делы свести» (т. е. согласие князя Дмитрия на предложенный вариант не было получено), а его посылаемые «тайно» грамоты были написаны с «великою высостию». «Но мы свое должное делаем», — многозначительно утверждал митрополит Иона, а архиепископу Новгородскому Евфимию II за поддержку князя Дмитрия Юрьевича он почти прямо угрожал: «побережи своего святительства».¹²⁰ Особенно интересно замечание в конце Послания о том, что в будущем «на том будет та кровь крестияньская, хто тое крови крестияньское въсхочет или кто имет на то думати, а каким делом ни буди, — ино то на том и будет».¹²¹ В принципе речь идет о возможном продолжении феодальной войны, но история придала этим словам митрополита Ионы другой смысл.

В июле 1453 г. Дмитрий Юрьевич Шемяка был отравлен по поручению великого князя Василия Темного. Этот факт особенно выразителен на фоне предыдущих неудавшихся переговоров о пострижении Дмитрия Юрьевича в монахи.¹²² Родственник («своитин») великих князей преподобный Михаил Клопский дважды предупредил Шемяку о скорой смерти. В первый раз он сказал Дмитрию Юрьевичу: «Княже, досягнеши 3-лакотнаго гроба!».¹²³ Второй приезд Шемяки в Клопский монастырь состоялся перед самой его кончиной, «на Троецкой недели в пяток»,¹²⁴ т. е. 25 мая 1453 г. Когда монахи пошли провожать Дмитрия Юрьевича, «Михаила князя за голову погладит да молвит: „Княже, земля вопиет!“ И трижды молвить».¹²⁵ В тексте варианта Б Первой редакции

---

¹¹⁹ Установление того важного факта, что московское правительство требовало от князя Дмитрия Шемяки ухода в монастырь, позволяет предполагать впоследствии аналогичное отношение и к его сыну, Ивану Дмитриевичу.

¹²⁰ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. С. 160—161. Великий князь Василий Темный сделал шаг навстречу Новгороду: «полон их к ним велел отпущати и без откупа» (Там же. С. 160).

¹²¹ Там же. С. 161.

¹²² Как показали исследования останков князя Дмитрия Юрьевича, он действительно был отравлен мышьяком (см.: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора... С. 106—111, 210—217).

¹²³ Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 96.

¹²⁴ Там же. С. 108.

¹²⁵ Там же. С. 96.

Жития Михаила Клопского, содержащей указание на точную дату второго приезда Шемяки в монастырь, после этих слов добавлено: «И молвит князь: „Михаилушко, хочу во Ржову ехати Костянтинову на свою вотчину“. И рече ему Михаилу: „Княже, не исполниши желанія своего“». ¹²⁶

Согласно Типографской летописи, Дмитрий Шемяка умер «по Петрове дни» (т. е. после 29 июня 1453 г.), ¹²⁷ а в Житии Михаила Клопского утверждается, что он «канун Ильина дни преставися» ¹²⁸ (т. е. перед 20 июля). Автор Летописи Авраамки, видимо, приводит наиболее точную дату: «Преставися князь великийи Дмитриий Юрьевич в Великомъ Новѣгородѣ на Городѣщи мѣсяца июля въ 17 день, въ вторникъ; и положенъ бысть в манастырѣ святого Егоорія въ церкви». ¹²⁹ Действительно, 17 июля 1453 г. был вторник. Если учесть сообщение Львовской летописи, что Шемяка после отравления болел 12 дней, то вероятная дата преступления — это 5 июля, четверг, день памяти перенесения мощей Сергия Радонежского, произошедшего в 1422 г. ¹³⁰ Для Дмитрия Шемяки это был особый день: его отец, князь Юрий Дмитриевич, бывший крестником и особым почитателем памяти Сергия («многу вѣру имѣ къ святому Сергию, бѣ бо от преподобнаго просвѣщению сподобленъ бысть» ¹³¹), свидетельствовал тогда открытые мощи преподобного, а впоследствии построил для них каменную церковь — Троицкий собор. 5 июля 1422 г. Дмитрию Шемяке было уже лет 9—10; вполне возможно, что он в этот день также присутствовал на празднике в Троице-Сергиевом монастыре, куда «стекошяся с радостию великою дръжавнии князи, священнии събори, иноци же и простии людие от многих странъ». ¹³² При этом, как замечает Б. М. Клосс, «ни одного представителя центральной власти (великого князя и митрополита) на празднестве не было, и состоявшаяся канонизация носила местный характер». ¹³³ Не исключено, что столь памятный день был выбран Василием Темным для совершения преступления сознательно.

¹²⁶ Там же. С. 108.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 24. С. 184.

¹²⁸ Повести о житии Михаила Клопского. С. 96.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193. Та же дата смерти Шемяки, 17 июля, читается в окончании Новгородской четвертой летописи (по спискам Строевскому и Синодальному): ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 445. В псковских летописях говорится о смерти Шемяки 18 июля, «на память святого мученика Емелiana» (Псковские летописи. Вып. 1. С. 51; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 48, 140).

¹³⁰ Голубинский Е. История канонизации святых в Русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1903. С. 72, 543.

¹³¹ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 418—419.

¹³² Там же. С. 418.

¹³³ Там же. С. 69.

Само отравление не было тайной для современников (в некоторых летописях упоминается, что Дмитрий Шемяка «умре со отравы»¹³⁴ или что «даша ему лютаго зелия»¹³⁵), но великокняжеское летописание, несмотря на это, умолчало об обстоятельствах смерти Шемяки, заметив лишь, что он умер «напрасно» (внезапно, безвременно¹³⁶) и что подьячий, принеший эту весть в Москву, был сделан дьяком («Великий Князь изъявил нескромную радость», — заметил Н. М. Карамзин¹³⁷).

В неофициальном летописании, как уже отмечалось, мы встречаем два варианта рассказа о смерти князя Дмитрия Юрьевича. В Кирилло-Белозерском своде 1472 г., судя по Ермолинской летописи, содержался такой текст: «Того же лѣта в Новѣградѣ Великомѣ преставися князь Дмитреи Юрьевичъ Шемяка; людская молва говорятъ, что будетось со отравы умерлъ, а привозиль с Москвы Стефанъ Бородатыи дьякъ къ Исаку к посаднику к Борецкому,¹³⁸ а Исакъ деи подкупиль княжа Дмитреева повара, именемъ Поганка, тѣи же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вѣстью на Москву к великому князю Василеи Бѣда подьячеи; князь же велики пожаловаль его дьячествомъ, и прорѣкоша ему людие мнози, яко не надолго будетъ времени его, и по малѣ сбытсья ему».¹³⁹

Еще более определенно вина за отравление Шемяки возлагается на великого князя в тексте Львовской летописи, восходящей к неофициальному своду 1480-х гг.: «Того же лѣта посла великии князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха въ Новгородъ къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову,¹⁴⁰ поведи ему речъ великого князя, он же обещася, якоже глаголетъ Давидъ: яды хлебъ мои възвеличи на мя лествь; призва повара на сеи советъ. Бысть же князю Дмитрею по обычью въсхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря доспети. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ доспеша его и принесоша его предъ князь; и яде не ведый мысли ихъ; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся, и лежа 12 днеи преставися».¹⁴¹

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 464, 490.

¹³⁵ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 83.

¹³⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1983. Вып. 10. С. 194—195.

¹³⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 188.

¹³⁸ В ркп. ошибочно «Богородицкому».

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

¹⁴⁰ В Эттеровом списке Львовской летописи ошибочно читается «Нотову» (ПСРЛ. Т. 20, первая пол. С. 262).

¹⁴¹ Там же.

Разница между приведенными выше версиями неофициального летописания состоит в двух принципиальных подробностях. Во-первых, более ранняя версия говорит о том, что отравка была привезена великокняжеским дьяком «с Москвы», лишь намекая на причастность к убийству самого великого князя Василия Темного (об этом же, вероятно, говорит и многозначительный эпизод с пожалованием «дьячества» гонцу, доставившему весть в Москву), а более поздняя версия берет на себя смелость прямо утверждать: заказчик преступления — Василий II (Стефана Бородатого «посла великий князь»), боярину Котову была передана «речь великого князя»). Во-вторых, разница состоит в том, что если в первом случае предполагаемым посредником между дьяком Стефаном и поваром выступает новгородский посадник Исаак Борецкий, то во втором им назван боярин Дмитрия Шемяки Иван Котов.

Исаак Андреевич Борецкий мог попасть под подозрение лишь потому, что он вел переговоры с Москвой и незадолго до отравления Шемяки ездил послом от Новгорода к великому князю.¹⁴² Вообще, первая версия изложена в большей степени предположительно («...людская молва говорить, что будетось <...> деи...»), поскольку же «новгородское правительство в борьбе Василия II с Шемякой держало сторону Шемяки, а после его смерти сын его пользовался там большим почетом», постольку «участие Исаака Борецкого в отравлении Шемяки представляется мало вероятным».¹⁴³ А вот бывший боярин Шемяки Иван Котов, оказывается, получил награду: он становится сразу после отравления Дмитрия Юрьевича дьяком великого князя, о чем молчат письменные источники, но прямо свидетельствует наличие его личной монограммы на жалованной грамоте Василия Васильевича Темного от 17 апреля 1454 г. (установлено Ю. Г. Алексеевым).¹⁴⁴ Кроме того, именно Котова считал отравителем Шемяки и близкий к семье великого князя преподобный боровский игумен Пафнутий: когда к нему в монастырь пришел один монах-странник, прозорливый старец, никогда его раньше не видевший, сказал своим ученикам, что этот человек даже иночеством не очистился от крови князя Дмитрия, которого он уморил, и это был не кто иной, как Иван Котов.¹⁴⁵ Между прочим, запрещение митрополита Ионы поминать Шемяку в церкви вызвало возмущение Паф-

¹⁴² Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 5. С. 976—977.

¹⁴³ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 335.

¹⁴⁴ См.: *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 176—177, 307.

¹⁴⁵ Троицкий патерик, или Сказания о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях просиявших. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 243 (репринт изд. 1896 г.).

нутия, вышедшего победителем из спора с иерархом: «И Пафнотей до конца поминавал князя Дмитрея».¹⁴⁶

Вторая версия представляется более достоверной не только из указанных соображений, но и благодаря наличию в ней мельчайших подробностей, которые трудно было бы придумать: «...князю Дмитрею по обычю вьсхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря доспети <...> не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся, и лежа 12 днеи (курсив во всех случаях мой. — А. Б.) преставися». В версии истории отравления Дмитрия Шемяки, дошедшей до нас в неофициальном летописании 80-х гг. XV в. (восходящем в свою очередь к Кирилло-Белозерскому своду 1472 г.), мы видим явные признаки свидетельства очевидца происходивших событий. Одним из немногих таких «самовидцев», безусловно, был сын Шемяки, князь Иван Дмитриевич.

Итак, самые близкие люди — один из бояр, княжеский повар по прозвищу Поганка и предполагаемый отец или брат жены княжича Ивана, дьяк Степан — оказались изменниками. Если повар сумел скрыться, то узнать правду о заказчиках отравления было непросто: московские дьяки Котов и Бородатый были недоступны для проводимого в Новгороде расследования. Поэтому думается, что некоторые подробности отравления отца Иван Дмитриевич мог узнать значительно позже этих событий, уже вновь оказавшись на Руси. Мы можем даже предположить, когда именно и при каких обстоятельствах это произошло.

В декабре 1477 г.—феврале 1478 г. Ефросин куда-то уехал из Кирилло-Белозерского монастыря «на игуменство»: «Тое зимы (6986. — А. Б.) на игуменство поехалъ» (КБ 11, л. 235). По гипотезе Я. С. Лурье, Ефросин направился тогда в Прилуцкий Рождественский монастырь, находившийся в Угличском княжестве,¹⁴⁷ но мы считаем это «игуменство» относящимся к более раннему времени, а именно к середине 1460-х гг. (см. подробнее ниже). Мнение Я. С. Лурье было оспорено Е. Э. Шевченко, более основательно считающей, что упомянутая под 6986 г. поездка на игуменство относится к Феррапонтову монастырю.¹⁴⁸ Исследовательница пришла к выводу, что «Ефросин был игуменом Феррапонтова монастыря в то время, когда Мартиниан, вернувшись из Троице-Сергиева монастыря, был там строителем»,¹⁴⁹ а именно в конце 1470-х гг. Преподобный Мартиниан

¹⁴⁶ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 365—366; Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 154—156.

¹⁴⁷ Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников... С. 347—356.

¹⁴⁸ Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан: (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Вожеозерский и Феррапонтов монастыри) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 297—298.

¹⁴⁹ Там же. С. 297.

Белозерский, умерший в 1483 г., несомненно, был хорошо осведомлен об участии Василия Темного в отравлении Шемяки и о подлинных исполнителях преступления, поскольку именно в 1453 г. он был духовником великого князя и, по всей видимости, сурово осудил убийство князя Дмитрия Юрьевича: «Примечательно, что охлаждение отношений между Василием II и его духовником наблюдается с тех самых пор, как в Москве узнали об отравлении Дмитрия Шемяки».¹⁵⁰

В высшей степени примечательно, что соответствующая действительности информация о прямом указании Василия Темного отравить Шемяку и о передаче яда повару Дмитрия Юрьевича боярином Иваном Котовым попадает в неофициальное летописание только после того, как Ефросин в конце 1470-х гг. становится игуменом в Ферапонтовом монастыре, где живет едва ли не единственный в это время знавший правду о преступлении человек — бывший духовник Василия Темного Мартиниан Белозерский, не скрывавший известных ему фактов. Мы можем судить об этом, поскольку только в неофициальном летописании прямо утверждалось, что Шемяка был отравлен своим поваром, и об этом же, судя по Житию Мартиниана Белозерского, знали и говорили между собой иноки Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей («нецыи поведают, окормлень бысть зелием от повара своего и умре»¹⁵¹). Скорее всего, лишь от Мартиниана Ефросин и мог узнать наверняка, что Василий Темный действительно был заказчиком отравления и что виновником смерти Шемяки был не Исаак Борецкий (как предположительно утверждалось в Кирилло-Белозерском своде 1472 г.), а боярин Иван Котов. Особое внимание Ефросина Белозерского к судьбе Шемяки проявилось, на наш взгляд, в том, что заключительное известие основной части его краткого летописца (созданного в середине 1460-х гг., см. подробнее ниже) посвящено кончине князя Дмитрия: «В лѣто 6961 [1453 г.] преставися князь Дмитрей Юрьевич июля 23» (Пог. 1554, л. 15; цифра «23» приписана позже другими чернилами; она соответствует дате в Софийской второй летописи).

Пока же после смерти отца 16-летний княжич стал князем, а поскольку Дмитрий Шемяка являлся великим князем, то и его сын несомненно мог претендовать на великое княжение. Отрочество князя Ивана, наверное, закончилось за те 12 дней, что он находился рядом с умирающим отцом. Но для московского правительства не закончилась феодальная война, она продолжалась, пока оставалась реальной угрозой династического характера. Если следовать новому принципу

¹⁵⁰ Борисов Н. Иван III. М., 2003. С. 138.

¹⁵¹ Житие Мартиниана Белозерского / Подгот. текста и коммент. Е. Э. Шевченко // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. 2-е изд., испр. и доп. / Изд. подгот. Г. М. Прохоров, Е. Г. Водолазкин, Е. Э. Шевченко. СПб., 1994. С. 256. Благодарю Е. Э. Шевченко, обратившую мое внимание на этот факт.

наследования «от отца к сыну», который столь рьяно отстаивали сами противники «Юрьевичей», Иван Дмитриевич тоже мог претендовать на старшинство в роде (в этой связи заслуживает внимания запись в Синодике Иосифо-Волоколамского монастыря, поминающая, наряду с Иваном III, в качестве великого князя и Ивана Дмитриевича,¹⁵² следовательно, сын Дмитрия Шемяки воспринимался как реальный претендент на престол). Более того, по возрасту он, скорее всего, был чуть старше Ивана III, родившегося 22 января 1440 г., поэтому прежний принцип наследования («по старшинству») также был в его пользу.¹⁵³ Хотя «севернорусские народоправства» — Новгород и Псков — какое-то время, видимо, считали великим князем не Ивана III, а Ивана Дмитриевича, сила дипломатии и оружия вскоре заставила их признать существующее положение вещей.

IV. ГОДЫ НА ЧУЖБИНЕ

4.1. Псков

Через девять с небольшим месяцев после смерти отца, в «великое говение», ранней весной 1454 г., Иван Дмитриевич, по всей вероятности, с женой (о которой молчат все источники) покинул Великий Новгород и направился в Литву, к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру. Конечная цель его поездки известна нам благодаря хорошо осведомленному современнику описываемых событий, новгородскому летописцу — создателю заключительной части Летописи Авраамки: «къ князю Казимиру королевичу».¹⁵⁴ Возможно, юный князь Иван надеялся, что вмешательство могущественного соседа русских княжеств поможет восстановить нарушенную справедливость в наследовании великого княжения. Для доказательства своих прав он мог опираться на доставшуюся по наследству от отца казну, содержавшую важнейшие государственные документы. В казне должны были находиться, например, Завещание Дмитрия Донского, на которое ссылался в подтверждение своих притязаний на великое княжение еще Юрий Дмитриевич Галицкий, и «проклятые грамоты», которые дал Дмитрию Шемяке с

¹⁵² Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В. Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 125.

¹⁵³ Согласно этому принципу наследования на старшинство в роде из числа потомков Дмитрия Донского, очевидно, мог претендовать и князь Иван Андреевич Можайский.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193. Для нас это важно, так как А. А. Зимин, видимо, полагал, что князь Иван сначала собирался посетить только Псков: «Прошло всего три недели, как князь Иван Дмитриевич подобру-поздорову решил уехать в Литву» (Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 161). С этим утверждением трудно согласиться: Иван изначально направлялся именно в Литву через Псков.

обещанием признать его права и прекратить борьбу сам Василий Темный. Как показывают дальнейшие события, Иван Дмитриевич, скорее всего, имел с собой только копии (списки) тех или иных документов, а оригиналы оставил в Великом Новгороде.

Путь его лежал через Псков, куда он прибыл во вторник Вербной недели, 9 апреля 1454 г. На улицах и площадях Пскова в этот день по случаю приезда юного князя царило необычайное оживление. Как отмечает летописец, «посадники псковския, и священники, и священноиноки, и дияконы, и вси мужи псковичи выидоша со кресты от святыя Троица, и прияша его с великою честию».¹⁵⁵ Моральная поддержка князя Ивана со стороны жителей Пскова была дополнена и материальной: «даша ему псковичи дару 20 рублевъ». Это в два раза больше, чем, например, получил князь Иван Андреевич (внук Ольгерда, сын Андрея Полоцкого), приезжавший в город в 1437 г.¹⁵⁶ В Пскове Иван Дмитриевич провел три недели.

Отметив 21 апреля Пасху, заручившийся поддержкой республики и, видимо, полный надежд князь Иван в среду, 1 мая 1454 г., «на память святого пророка Еремѣя»-Запрягальника, отправился дальше, в Литву, покинув гостеприимный Псков.¹⁵⁷ В Великом Новгороде у него остались мать, княгиня Софья Дмитриевна, и сестра Мария, ставшая супругой ранее псковского, а теперь новгородского служилого князя Александра Чарторьского.¹⁵⁸

4.2. Обольцы

О том, что делал и где находился первое время после отъезда из Пскова Иван Дмитриевич, летописи и другие современные событиям источники умалчивают. Но спустя без малого полстолетия после описываемых событий, в 7012 (1504) г., произошел местнический спор между Петром Михайловичем Плещеевым и Петром Лобаном Григорьевичем Заболоцким. В качестве одного из аргументов в споре была представлена следующая не сохранившаяся в оригинале до наших дней, но весьма интересная для нас грамота: «От великого князя Василья Васильевича в Новгород Великои моим намесником Василью Тимофеевичю да Григорью Васильевичю. Приехол слуга мои из Литвы, а сказоваят, что перед ним

---

¹⁵⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 52.

¹⁵⁶ Там же. С. 44.

¹⁵⁷ Любопытное совпадение: тоже 1 мая, но 1185 г., вопреки солнечному знаменю князь Игорь Новгород-Северский «вступи» «въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю», отправившись в свой знаменитый поход против половцев.

¹⁵⁸ Дмитрий Шемяка, находившийся в Новгороде одновременно с Чарторьским, согласно Летописи Авраамки, рассматривался вплоть до своей гибели не как служилый, а как великий князь (см.: ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192—193).

приехала княгиня Дмитриева Шемакина к сыну в Оболцы¹⁵⁹ в мале добре, а казны с нею нет ничево, а по казну де шлют в Новгород Чеватова. И яз о том писал ко владыке грамоту, у ково добудет поклажеи княгини Дмитриевы, и владыко бы тем говорил, чтоб к ним не отпускали казны, а явили бы мне, великому князю. И вы б говорили владыке, чтоб того дела моево поделал накрепко, а как есми к нему писал, и сами б есте того стерегли накрепко. И приедет Чюватов или кто инои по казну, и вы б того поимали, а кто у вас отоимет, и вы ко мне опишите».¹⁶⁰

Из этого текста мы узнаем, что после побега из Новгорода 7 февраля 1456 г. княгиня Софья Дмитриевна приехала «к сыну» в Оболцы. Этот город упоминается в статье конца XIV—начала XV в. «А се имена всем градом руским, ближним и далним», известной по целому ряду русских летописей: «Литовскыи: <...> Оболчь...».¹⁶¹ В новое время этот населенный пункт, называемый Обольцы, стал местечком Могилевской губернии, Оршанского уезда, в 45 верстах от уездного города, при реке Оболянке; «по польским актам известно, что в 1387 г. король Ягелло основал в Обольцах католический костел, первый в Белоруссии. Костел существует в с. Старых Обольцах, в 1 версте от местечка; вероятно, местечко отодвинуто от него впоследствии. Обольцы еще раз упоминаются в акте возведения Свидригайло на Литовский престол».¹⁶² Очевидно, кроме костела в Обольцах находился в XV в. и замок (скорее всего, деревянный), так как литовский великий князь Александр Казимирович Ягеллон избрал этот город во время русско-литовской войны своей резиденцией на «немалое время» и принимал там посла Ивана III: «...Александр <...> пошел со всеми своими людьми и стал в Обольцах и там находился немалое время. В то время пришел к нему в Обольцы посол от великого князя московского с соответствующими грамотами, и князь великий Александр принял его в Обольцах, а затем, отпустив его, со всеми людьми пошел к Полоцку...».¹⁶³

Тот факт, что в конце зимы—начале весны 1456 г. князь Иван Дмитриевич находился в небольшом литовском городе Обольцы, по всей вероятности, свидетельствует о том, что его миссия к Казимиру не увенчалась успехом. Возможно, формальной причиной отказа в помощи явилась необходимость предоставить подлинники подтверждающих права Ивана Дмитриевича на «великое княжение» документов,

¹⁵⁹ Испр.; в издании ошибочно: «во Болцы».

¹⁶⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 83—84.

¹⁶¹ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. С. 179.

¹⁶² Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1867. Т. 3. С. 580.

¹⁶³ Хроника Быховца под 1499 г. (после битвы на Ведроши): ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 167.

но главное, что король польский и великий князь литовский вообще предпочитал не ссориться с Москвой, а в это время был в особенности занят решением собственных проблем. Как раз в 1454 г., когда Иван Дмитриевич отправился в Литву, Казимир издал Нешавские статуты, ограничившие власть магнатов и короля, что заложило основы будущей польской шляхетской республики, и начал затяжную 30-летнюю войну с Тевтонским орденом.¹⁶⁴ Если Иван Дмитриевич действительно рассчитывал на помощь Литвы, он безусловно просчитался: вступить в конфликт с Москвой Казимир явно не собирался.

4.3. Новгород-Северское княжение

Поскольку в начале 1456 г. Иван Дмитриевич находился еще в Оболяцах, Новгород-Северское княжение ему было пожаловано не ранее этого года (привелей не сохранился¹⁶⁵). Возможно, оно входило в это время в состав возрожденной на время «Киевской Руси» — полусамостоятельного княжества, существовавшего фактически с 1432 г., а номинально — с 1440 г.¹⁶⁶ Иван Дмитриевич и его дети владели Новгородом-Северским, видимо, под эгидой Киева вплоть до захвата Киевского княжества Литвой в 1471 г. (в целом аналогичного подчинению Новгорода Москвой в те же годы), после чего находились непосредственно под властью Польско-Литовского государства вплоть до 1500 г., когда «перешли» к Москве.¹⁶⁷

Вероятно, Иван Дмитриевич был князем новгород-северским во второй половине 50—первой половине 60-х гг. XV в. В Литовской метрике, которой свойственно указание только на индикт, без точного года, имеется запись о пожаловании князю Ивану (Дмитриевичу) «8 копь грошей, 3 мыта тамо же, а 7 локоть сукна махалского», а дана была эта жалованная грамота «въ Новомь месте, индикть 6,

---

¹⁶⁴ А. О. Казимир IV Ягеллончик // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия / Гл. ред. В. Л. Янин. М., 1996. Т. 2. Д—К. С. 456.

¹⁶⁵ Крам М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV—первой трети XVI в. М., 1995. С. 62.

¹⁶⁶ История Киева: В 4 т. Киев, 1982. Т. 1. Древний и средневековый Киев. С. 236—239. Обратим внимание на то, что на территории этого княжества, в Печерском монастыре, были созданы две Кассиановские редакции Киево-Печерского патерика (1460 и 1462 гг.) и, очевидно, их архетип, в которых впервые этот памятник предстает как «литературный сборник особого состава, имеющий свою „программу“ изложения материала (оглавление), определенный принцип организации текстов внутри свода» (Ольшевская Л. А. Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 280).

¹⁶⁷ См.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 138—142.

сентябрь 9 день»,¹⁶⁸ что соответствует, в частности, 6968 г. (тогда это 9 сентября 1457 г.).

Как отметил М. М. Кром, князь Иван Дмитриевич прибыл в Литву «со своим двором»: в жалобе московских купцов, относящейся к 1487/88 г., упоминаются среди «людей» Семена Ивановича Шемячича, сына Ивана Дмитриевича, некий «князь Давид Кубенский» (очевидно, родственник княгини-матери Софьи Дмитриевны, происходящей из князей Заозерских-Кубенских), а также «воеводка» князя Семена Домоткан и «дьяк княж Семенов». «Все атрибуты княжеского двора налицо», — замечает М. М. Кром.¹⁶⁹

В сборниках Ефросина Белозерского нет прямого упоминания Новгорода-Северского, но имеется один текст, имеющий явно западнорусское происхождение: это памятник фольклорного характера — пересказ легенды о митрополите Киприане. То, что Ефросин в принципе интересовался фольклором, следует из целого ряда переписанных им текстов.¹⁷⁰ К этому кругу памятников следует отнести и легенду о рукавицах митрополита Киприана, ранее опубликованную дважды — в «Описании сборников» Ефросина и в специальной статье М. Д. Каган-Тарковской.¹⁷¹ Приведем и мы ее текст:

«Киприянь митролитель видель и наездель в Литовьском такова человека Тритцатора. Станица (*над строкой добавлено*: «село велико»), а в станицы по 12-ти сыновъ, 30 станицъ. И поседель в ызбе той, встретиль его человекъ той. Святитель же не причастился ни к чему, у нихъ мало поседель, и вонъ пошелъ. На столбе (*над строкой добавлено*: «на окне») рукавки забыль, борзо послалъ по нихъ на то место. Не обретеса ничтоже: ни людеи, ни двора, ни животнаго — святитель не благословиль. Толке бревно оконное, на чемъ рукавки положены».¹⁷²

---

¹⁶⁸ Сборник имп. Российского Исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными.

¹⁶⁹ Кром М. М. Меж Русью и Литвой... С. 65.

¹⁷⁰ М. Д. Каган-Тарковская установила, что легенды о перстне и о дьяволе и Ное, Плач Адама, «Слово о Хмеле», «скоморошья» версия «Слова о злых женах», близкое к народному стиху «Слово о правде и неправде» и отдельные пословицы-изречения и загадки в сборниках Ефросина восходят к фольклорным источникам (*Каган-Тарковская М. Д.* 1) «Слово о женах о добрых и о злых»... С. 382—386; 2) Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 193—194; 3) Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 250—252 и др.).

¹⁷¹ *Каган-Тарковская М. Д.* Чудо митрополита Киприана: (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 234—238.

¹⁷² КБ 9, л. 96 об.—97; *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников... С. 117.

Безусловно, перед нами краткая запись легенды о «нечистом месте», сделанная, судя по глоссам над строкой, самим Ефросином Белозерским, причем она имеет «литовское» (западнорусское) происхождение.¹⁷³

Еще один текст «литовского» происхождения в сборниках Ефросина — это рассказ о землетрясении, бывшем «в Римской стране» в ночь с 4 на 5 декабря 1456 г., озаглавленный в рукописи как «Послание Феофила Дедеркина» (КБ 9, л. 517—519 об.). Хотя текст статьи написан не самим Ефросином, ему принадлежит сделанная на полях нумерация погибших от землетрясения городов. Еще П. Симиони отметил наличие в тексте «Послания Феофила Дедеркина» многих полонизмов («местечко», «пан», «паньство», «шькоту терпел», «годины» в значении «часы» и др.).¹⁷⁴ Как установила Н. А. Казакова, второй список того же произведения датируется 1483 г., его создатель — писарь Васка «пана Миколаа Раздивиловича» (не смоленского ли наместника Николая Радзивила Старого?). Исследовательница пришла к выводу, что «архетип русской версии рассказа возник в Южной Руси и оттуда достиг стен Кирилло-Белозерского монастыря».¹⁷⁵ Отметим также, что когда Ефросин описывает растение *Asarum europaicum* (копытень), листья которого имеют округлую форму, он сравнивает его с западным «грошем»: «Асарь, здѣсе ростеть, подь лѣзгою трава, листь у нея плоскъ и кругловать как грошь» (Соф. 1462, л. 112). Оказавшись князем в пограничном с «Диким полем» Новгород-Северском княжестве, будущий инок Ефросин должен был многое узнать и о степных кочевниках. Определенный интерес книжника к описанию «незнакомых» народов, их языка, вооружения, быта и культуры появился не на пустом месте. Можно утверждать, что «восточная тема» впоследствии была особенно близка Ефросину Белозерскому.¹⁷⁶

Итак, Иван Дмитриевич стал новгород-северским князем, а Василий Темный продолжал тем временем бороться с его потенциальными союзниками. Летом 1454 г., опасаясь складывания новой княжеской оппозиции, Василий Темный захватил Можайск, выну-

---

¹⁷³ Таким образом, кирилло-белозерский книжник был, можно сказать, одним из первых отечественных «фольклористов». В Новгород-Северском княжестве, между прочим, он неизбежно должен был познакомиться с местным дружинным фольклором.

¹⁷⁴ Симиони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий // СОРЯС. 1922. Т. 100, № 2. С. 13—14.

¹⁷⁵ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 163.

¹⁷⁶ См.: Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский. С. 277—285 (Раздел 4. Ефросин Белозерский и «восточные страны»).

див своего бывшего союзника князя Ивана Андреевича Можайского с семьей также бежать в Литву. Составленный около этого времени московско-тверской договор включает требование к Борису Александровичу Тверскому «не приимати» литовских беглецов — тех, кто «отступил» от Василия Темного.¹⁷⁷

Прошло меньше двух лет после отъезда Ивана Дмитриевича в Литву, и в январе 1456 г. Василий Темный без видимых причин атаковал Великий Новгород. Именно «расплатой за двоедушную и близорукую политику новгородского боярства во время Шемякиной смуты» объясняет начало войны явно симпатизирующий Василию Темному В. Н. Бернадский.¹⁷⁸ По мнению А. А. Зимина, нападение Москвы также объясняется тем, что Новгород «так или иначе стоял за спиной Дмитрия Шемяки», и в нем продолжали находиться его жена, дочь и зять.¹⁷⁹ Псковичи, «крестное целование правя»,¹⁸⁰ в отличие от других аналогичных ситуаций XV в., выступили против великого князя и заняли сторону Новгорода, но Казимир в конфликт не вмешался. Можно полагать, что не случайно в день накануне выступления в поход на Новгород Василий Темный устроил торжественные проводы в принадлежащий Литве Смоленск возвращаемой реликвии — чудотворной иконы Пресвятой Богородицы¹⁸¹ — это была своего рода благодарность за невмешательство. Результатом военного превосходства москвичей явилось бегство в Литву 7 февраля 1456 г. матери Ивана Дмитриевича Софьи;¹⁸² «тогда же» внезапно умирает и его юная сестра (дата погребения — 13 февраля).¹⁸³ А. А. Зимин считает, что после этого «путь к переговорам с Василием II был открыт», поэтому всего через два дня после погребения княгини новгородцы отправили посольство к великому князю для заключения Яжелбицкого мирного договора, включающего обязательство новгородцев не принимать князя Ивана Дмитриевича и его родственников. Исследователь замечает: «Уж очень эта смерть была для новгородцев своевременной, чтобы считать, что они не имели к ней никакого касательства».¹⁸⁴

¹⁷⁷ Духовные и договорные грамоты... С. 186—192 (№ 59).

¹⁷⁸ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 254.

¹⁷⁹ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 173.

¹⁸⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 53. Из этого известия, кажется, следует, что псковичи в 1454 г. «целовали крест» Ивану Дмитриевичу как великому князю.

¹⁸¹ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 172—173.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 196 («А княгиня великая Софья Дмитриева, видевь ту скорбь Великому Новугороду, и убоая князя великого, и побеже из Новагорода в Литву, къ сыну своему князю Ивану, месяца февраля въ 7 день, в субботу сыропустную»).

¹⁸³ Там же («Тогда же преставися княгиня Марья княжа Олекандра Чарторьского, а дчи князя Дмитрия Юрьевича, положена бысть в монастыре у святого Георгия, в притворе, въ Юрьеве монастыре, в пяток на Федорове недели»).

¹⁸⁴ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 175.

В 1456 г. Василий Темный из превентивных соображений «поимал» в Москве и сослал в заточение (все в тот же Углич) своего другого бывшего верного союзника во время феодальной войны, князя Василия Ярославича Серпуховского,¹⁸⁵ а в 1460 г. сумел добиться изгнания из Пскова зятя Ивана Дмитриевича — князя Александра Чарторыйского. Интересно, что Василий Темный был согласен оставить Чарторыйского в Пскове, если тот «поцелует животворящий крестъ ко мне князю великому и къ моимъ детямъ, к великимъ княземъ, что ему зла на мене и на моих детеи не мыслити». По всей видимости, связанный крестным целованием к Ивану Дмитриевичу, Чарторыйский отказался, заявив: «Не слуга де яз великому князю, и не буди целование ваше на мене, а мое на вас; *коли не учнуть псковичи соколом вороны имать* (курсив мой. — А. Б.), ино тогда де и мене Черторискаго вспомянете».¹⁸⁶ Нетрудно догадаться, какую из противоборствующих сторон князь Александр Васильевич Чарторыйский сравнил с соколами, а какую — с воронами.

В начале марта 1462 г. Василий Темный узнал, что готовится заговор с целью освобождения из угличского заточения князя Василия Ярославича Серпуховского, и подверг заговорщиков во главе с Владимиром Давыдовым жестокой публичной казни.¹⁸⁷ Впоследствии автор Кирилло-Белозерского летописного свода 1472 г. даст суровую оценку этому злодеянию, совершенному в Великий пост: «Множество же народа, видяще сиа, отъ боляръ и отъ купецъ великихъ, и отъ священниковъ, и отъ простыхъ людеи, во мнозѣ быша ужасѣ и удивлении, и жалостно зрѣние, яко всѣхъ убо очеса бяху слезь исполнени, яко николиже таковая ни слышаша, ниже видѣша в русскихъ князехъ бываемо, понеже бо и недостойно бяше православному великому осподарю, по всеи подсолнечной суццю, и такими казнями казнити и кровь проливати во святыи Великии постѣ».¹⁸⁸ Еще до Пасхи, «не по мнозе времени» после казней, Василий Темный умер от «сухотной болести»,¹⁸⁹ и великим князем стал его сын Иван III.

Последнее по времени точно датированное упоминание Ивана Дмитриевича в качестве новгород-северского князя относится к 1463 г., когда новгородцы направили в Литву посольство «о княжи

---

¹⁸⁵ Там же. С. 178—180.

¹⁸⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 58.

¹⁸⁷ Сам Владимир Давыдов незадолго до этого перешел в Москву из Литвы (*Зимин А. А. Витязь на распутье...* С. 184, 264).

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 157.

¹⁸⁹ Переписанная в это время пергаменная Триодь постная содержит следующую запись: «В лѣт(о) 6 тысящное девят(ь)сотное 70-е [1462 г.] мѣ(ся)ц[а] мартъ 28 д(е)нь на пам(я)т(ь) с(вя)т(а)г(а) пр(е)под(о)бн(а)г(а) отца нашег(о) чюд(о)творца Стефан(а) и с(вя)т(а)го Ларiona Новаго въ 3 час нош(и) об нош(ь) с(вя)т(а)го въскр(е)с(е)ния преставис(я) рабъ Б(о)жеи княз(ь) велик(и) Василии Васильевич».

возмущении еже на Великии на Новъгородъ Ивана Васильевича <...> ко князю Ивану Ондръевичю Можайску и къ князю Ивану Дмитриевичю побороть по Великомъ Новѣгородѣ отъ князя великого». ¹⁹⁰ Безусловно, таким обращением новгородцы нарушили взятое на себя по Яжелбицкому мирному договору 1456 г. обязательство порвать всякие связи с Иваном Дмитриевичем и его семьей, а также с Иваном Можайским. ¹⁹¹ Очевидно, новгородцы не торопились «целовать крест» новому великому князю Ивану III. Литовские беглецы, однако, ответили уклончиво: «имашася побороть, како Богъ изволи (курсив мой. — А. Б.)». С этими словами князь новгород-северский Иван Дмитриевич Шемякин как действующее лицо исчезает со страниц источников. Обратим внимание, что перед нами, между прочим, почти точная цитата из главного требования Москвы к его отцу, Дмитрию Шемяке: «жалования у него (великого князя. — А. Б.) просити такова, как было Богу любо (курсив мой. — А. Б.)», ¹⁹² что из всего контекста фразы должно пониматься как требование ухода в монастырь (см. об этом выше). Можно утверждать, однако, что сын Шемяки не умер: по Коростынскому мирному договору 1471 г. Иван Дмитриевич вновь упоминается среди «недругов Москвы», которым новгородцы обязуются не давать убежища. ¹⁹³ Видимо, этот пункт был перенесен из договора 1456 г., поскольку московские власти знали, что их «недруг» жив, и даже пострижение в монастырь не являлось для них гарантией спокойствия — слишком много в византийской и русской истории было примеров возвращения бывших иноков в гущу политической жизни. Существенно, что исчезновение с исторической сцены князя Ивана Дмитриевича синхронно появлению книжника Ефросина Белозерского, наиболее ранняя запись которого в сохранившихся рукописях датруется 18 июля 1463 г. (КБ 53, л. 155 об.).

4.4. Дети Ивана Дмитриевича

Кроме жены, предположительно дочери дьяка Степана Борода того, Иван Дмитриевич Шемякин, безусловно, имел детей. В источниках упоминаются четыре сына князя Ивана: «...у князя Дмитрея у

Ниже на этом же листе добавлено четырежды (двумя или тремя разными почерками того же времени): «Июда душегубецъ, рокъ твой пришедь» (ГИМ, Воскресенское собр., № 22 — б перг., л. 79 об.; см.: *Костюхина Л. М.* Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 276). «Рокъ» здесь значит «предел, конец (жизни)», «смерть, неизбежный, как бы предрешенный прежними деяниями, конец» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 210).

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

¹⁹¹ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 258.

¹⁹² Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. С. 160.

¹⁹³ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 190.

Шемяки сын был князь Иван Шемячич, ушел в Литву, а у князя Ивана Шемячича дети: князь Семен, да князь Володимер, да князь Иван, да князь Василеи Шемячичевы». ¹⁹⁴ По всей вероятности, в начале 1456 г. у Ивана уже были дети, поскольку в тексте Яжелбицкого мирного договора между Москвой и Великим Новгородом последний обязуется «князя Ивана Дмитриевичя Шемякина и его детей и его матери княгини Софьи и ее детеи и зятьи Новугороду не примати». ¹⁹⁵

Можно было бы думать, что речь идет о предполагаемых в будущем детях Ивана Дмитриевича, поскольку, кроме Ивана и уже покойной к моменту заключения договора Марии, источники не знают других детей княгини Софьи Дмитриевны, а они названы в тексте договора во множественном числе. Но мы можем не знать о существовании других детей (скорее всего, дочерей) у Дмитрия Юрьевича и Софьи Дмитриевны. С другой стороны, текст договора мог быть подготовлен заранее, до случившейся буквально на днях кончины Марии Дмитриевны (упоминание «зятьи» направлено, очевидно, против овдовевшего князя Александра Чарторыйского). В обоих случаях упоминание в договоре «детеи» Софьи Дмитриевны во множественном числе оказывается закономерным, и, аналогичным образом, можно полагать, что, скорее всего, речь идет о реально существовавших, а не о предполагаемых детях князя Ивана Дмитриевича. В таком случае они должны были появиться на свет до февраля 1456 г., а это в свою очередь свидетельствует о женитьбе князя Ивана еще до отъезда в Литву весной 1454 г.

В 1488 г., 1 января, упоминаются «княжы Ивановы дѣти Шемякина» («вашыхъ израдець дѣти»), ¹⁹⁶ а в недатированных известиях говорится о насилии со стороны новгород-северского князя Семена Ивановича Шемякина по отношению к великокняжеским, московским купцам. ¹⁹⁷ Судьбе двух сыновей Ивана Дмитриевича — Семена и Василия — посвящены отдельные статьи в «Русском биографическом словаре», согласно которым у Василия, умершего в заточении в 1529 г., был сын Иван (умерший в 1561 г. в Троице-Сергиевом мона-

---

¹⁹⁴ Родословная книга // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 9. См. также: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой... С. 60.

¹⁹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 43 (№ 23).

¹⁹⁶ Сборник имп. Российского Исторического общества. Т. 35. С. 131.

¹⁹⁷ «А въ Новѣгородкѣ въ Сѣверскомѣ князю Семену княжу Иванову сыну Шемякина великого князя гости поминокъ несли япанчю бурьскую, да тясму червьчату, а воеводкѣ его Домоткану несли поминка япанчю бурьскую да тясму свѣтлозелену, да фунтъ инбирю, да фунтъ перцу, и они сверхъ того поминка взяли силно на великого князя гостехъ: князь Семень взялъ двѣ камки свѣтлозелены кафинские куфтери, а воеводка его Домотканъ взялъ камку Бурьскую на червьцѣ жолтъ; а люди княжя Семеновы князь Давидъ Кубеньской взялъ портищю тафты силно; а Шаптакъ взялъ портищю жъ тафты, а дьякъ княжъ Семеновъ взялъ тясму шолкову» (Сборник имп. Российского Исторического общества. Т. 35. С. 10—11).

стыре) и две дочери: Марфа и Евфросинья.¹⁹⁸ Впоследствии князь Андрей Курбский, говоря о давнем обычае предков Ивана Грозного «желати братеи своихъ крови и губити их», вспоминал, что Василий III «изималь» «брата своего, во крови ближняго, князя Вѣрѣнскаго Василия, нареченного Шамятича», т. е. сына Ивана Дмитриевича Шемякина. Курбский характеризует его как «мужа славнаго и зело храбраго, и искуснаго въ богатырскихъ вещахъ, и поистине реши, пагубу бусурмановъ, яже не токмо отчину свою Сѣверу отъ частаго нахождения безбожныхъ измаильтянъ оборонялъ, порожающе ихъ многажды зело часто, но и на Дикое поле подь самую Орду Перекопскую ходяще многажды, и тамо пресвѣтлыя одолѣния надъ ординскими цари поставляюще». Далее Андрей Курбский восклицает: «Се толь преславнаго мужа, воистинну Победоносца, тои-то князь Василей предреченныи (Василий III. — А. Б.), отъ чародѣицы Греческия (Софии Палеолог. — А. Б.) рожденъ, заточилъ въ темницу и тяжкими оковами вскорѣ уморити повелѣлъ».¹⁹⁹

Василий Иванович Шемячич, унаследовавший после своего старшего брата Семена все новгород-северские владения и в 1500 г. перешедший от Литвы к Москве, в мае 1523 г. был предательски захвачен московским правительством (сам митрополит Даниил гарантировал Шемячичу безопасный проезд) и посажен под стражу.²⁰⁰ 10 августа 1529 г. он умер (по мнению Андрея Курбского, «уморен») в «набережной палате» московского Кремля.²⁰¹

У. ПОВОРОТ СУДЬБЫ

5.1. Пострижение в иноки

Мы не знаем, что случилось с женой Ивана Дмитриевича: возможно, она ушла в монастырь или умерла. Пережитая князем личная драма и вызванное ею осознание того, что всё вокруг — лишь «суета света сего и прелесть мира сего»,²⁰² могли, по нашему мне-

---

¹⁹⁸ Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23: Шебанов—Шютц. С. 86—89 (Шемячич Василий Иванович); С. 89—90 (Шемячич Семен Иванович).

¹⁹⁹ *Курбский Андрей*. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1914. Т. 31. Сочинения князя Курбского. Стб. 326.

²⁰⁰ *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 254—256.

²⁰¹ См. также: Архив СПбИИ РАН, ф. 263 (П. А. Садиков), № 9, л. 1—11, 1—22: *Садиков П. А.* Последние Шемячичи: (Генеалогическая справка). 1922 г., апрель—май. Черновой и белой варианты статьи, посвященной главным образом судьбе вдовы князя Василия Ивановича Шемячича Евфимии и их дочерей, Евфросинии и Марфы, а также опровержению мнения о существовании у них сына Ивана, якобы умершего в Троице-Сергиевом монастыре в 1561 г. (по мнению исследователя, речь идет об одном из слуг Василия Ивановича).

²⁰² Эти слова Евфросин Белозерский приписывал князю-иноку Николаю Святоше: «Выехал князь Святоша <...> из града Киева и обратився на град, показа имъ

нию, лежать в основе такого решительного изменения им своей судьбы. Кроме того, само возвращение на родину для Ивана Дмитриевича могло быть реальным только при условии принятия монашества (напомним об аналогичном требовании Москвы к его отцу), хотя и в этом случае личная безопасность князя Ивана могла оказаться под угрозой. Н. М. Карамзин полагал, что смерть его отца была «нужною для государственной безопасности»,²⁰³ так же могли рассуждать и многие современники событий. Например, в Послании митрополита Ионы архиепископу Евфимию II (январь—июль 1453 г.) говорится, чтобы новгородцы «себе в том поберегли» (т. е. не поддерживали Шемяку) как «душевного ради своего спасения», так и «нынешного ради временного устроения и тишины».²⁰⁴ Можно думать, что ставший иноком Ефросином князь Иван Дмитриевич не стремился к тому, чтобы оказаться узанным кем-либо: преждевременная смерть отца, сестры и других родственников заставляла его жить довольно незаметно. Не случайно даже специалисты по древнерусским рукописям осознали значение и масштаб деятельности Ефросина только в последние десятилетия, после выхода в свет статьи Я. С. Лурье (1961 г.) и подробного описания его сборников, выполненного М. Д. Каган, Н. В. Понырко и М. В. Рождественской (1980 г.). Именно поэтому мы имеем дело только с косвенными доказательствами, и вероятность обнаружения прямого свидетельства Ефросина о своем прошлом крайне невелика.

В первую очередь обоснование предложенной гипотезы о княжеском происхождении инока Ефросина Белозерского мы находим в текстах летописных памятников, переписанных этим книжником либо связанных с его творчеством. Краткий летописец Ефросина дошел до нас в его автографе.²⁰⁵ Основная хронологически последовательная сетка летописных статей этого памятника завершается следующими тремя известиями:

«Того же (1434 г. — А. Б.) лета преставися князь Юрии Дмитриевич.

В лето 6945 (1437 г. — А. Б.) поймали князя Василиа Юриевича маиа 14.

В лето 6961 (1453 г. — А. Б.) преставися князь Дмитриеи Юрьевич июля 23» (см. рис. 1).

Речь здесь идет о втором сыне Дмитрия Донского Юрии Галицком и о двух его сыновьях — Василии Косом и Дмитриии Шемяке.

рукою своею град Киевъ, и рече болярюмъ своим: „Воистинну, брате, суета света сего и прелестъ мира сего“»: КБ 9, л. 222—222 об.; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 125.

²⁰³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 188.

²⁰⁴ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. С. 159.

²⁰⁵ КБ 22, л. 14 об. и Пог. 1554, л. 13—17 об.

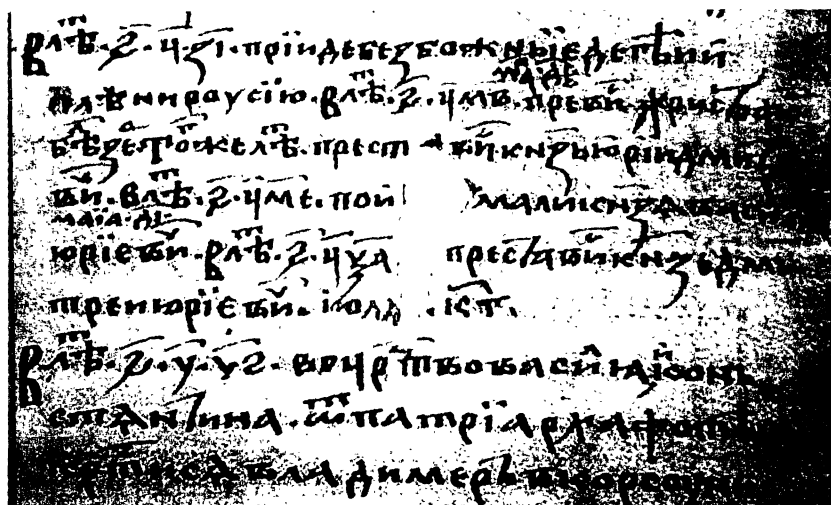

Рис. 1. Пог. 1554, л. 16: Окончание основной части Краткого летописца известиями о судьбе князей Юрия Дмитриевича, Василия Юрьевича и Дмитрия Юрьевича (автограф Ефросина)

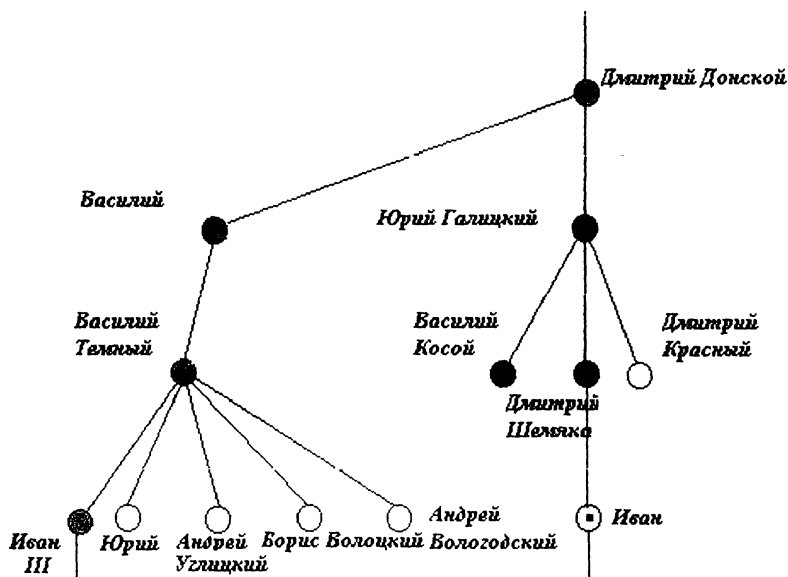

Рис. 2. Две ветви потомков Дмитрия Донского: «Васильевичи» и «Юрьевичи»

Далее, после этих заключающих первую часть Краткого летописца Ефросина сообщений о судьбе князей, потерпевших поражение в феодальной войне XV в., отца и сыновей (см. рис. 1, 2), следуют уже дополнительные статьи — о крещении Руси, список русских митрополитов и др.²⁰⁶ Безусловно, в такой выборке летописных известий за два десятилетия русской истории можно увидеть не просто интерес к событиям в княжеском роде Рюриковичей, но особое внимание к его определенной ветви.

Наличие в Ефросиновском списке летописи следов творческого отношения к тексту (более 20 приписок над строкой и на полях, зачеркнутых или выскобленных букв и целых слов) позволяет утверждать с большой долей вероятности, что книжник не был простым копиистом чужой работы. Скорее всего, эта подборка летописных известий принадлежит самому Ефросину и относится к первому периоду его книгописной деятельности (начало—середина 1460-х гг.). Ефросин Белозерский при создании этого произведения последовательно сопоставлял чтения Троицкой и Софийской I (далее — С1) летописей и если находил отличия, то выписывал текст либо из одного, либо из другого источника. Из этого факта мы можем заключить, что намерение книжника состояло в сравнении с целью выявления различий двух версий летописного повествования — Троицкой летописи (Свода Киприана) и Свода митрополита Фотия, созданного около 1418—1419 г. (по С1). Ефросин провел своего рода текстологическую работу, выявив и выписав основные смысловые и хронологические разночтения двух главных летописных памятников своей эпохи. Можно утверждать, что Краткий летописец Ефросина — это не рядовой «кирилловский краткий летописчик», каким он виделся исследователям до сих пор, а серьезный аналитический труд, впоследствии послуживший основой для многих историографических памятников второй половины XV в.²⁰⁷ Завершение его основной хронологической сетки известиями о судьбе Юрия Дмитриевича Галицкого, Василия Юрьевича Косого и Дмитрия Юрьевича Шемяки следует признать важным текстологическим фактом, требующим объяснения.

Другой летописный памятник, который, по словам Я. С. Лурье, «многими чертами перекликается с литературной деятельностью» Ефросина и текстологически связан с его Кратким летописцем, — это Севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 1472 г., отразившийся в Ермолинской летописи и в Сокращенных сводах конца

²⁰⁶ См.: *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М., 1950. Т. 5. С. 26—27.

²⁰⁷ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Ефросин Белозерский как историограф. С. 138—139.

XV в.²⁰⁸ Эту летопись Я. С. Лурье считает «замечательным литературным памятником», содержащим «резкую и яркую критику» действий великого князя и его приближенных.²⁰⁹ Для Свода 1472 г. характерно включение неизвестных другим летописям подробностей феодальной войны XV в., особый интерес к сведениям о Юрии Галицком и его сыновьях Василии Косом и Дмитриии Шемяке, выпады против великого князя, его бояр и воевод. В частности, Свод 1472 г. рассказывает о том, как Дмитрий Шемяка пытался пригласить Василия Васильевича на свадьбу, но был сослан в Коломну (1436 г.); ослепление Василия Темного, вопреки другим летописям, только здесь приписано не Дмитрию Шемяке, а Ивану Можайскому (1446 г.); говорится, что Шемяка умер «со отравы» (1453 г.); читаются также резкое осуждение казней заговорщиков Василием Темным в Великий пост 1462 г. и рассказ о явлении ярославских князей-чудотворцев Федора Черного и его детей с именованием тайнописью великокняжеского наместника «дьяволом» (1463 г.). Вопреки мнению Я. С. Лурье,²¹⁰ Краткий летописец Ефросина является не конспектом Кирилло-Белозерского свода 1472 г., а его источником, «заготовкой», имеющей признаки первичности по отношению к этому памятнику и созданной раньше его появления, в первой половине—середине 1460-х гг. Таким образом, как переписанный самим Ефросином летописный памятник (Краткий летописец), так и реконструируемый Кирилло-Белозерский свод 1472 г., тесно связанный с его деятельностью, в равной степени демонстрируют особый интерес к ветви князей «Юрьевичей» — потомков Юрия Галицкого и, таким образом, очевидно антивеликокняжескую позицию. В этой связи характерна также упоминавшаяся выше запись Ефросина в одном из его сборников о том, что Юрий Дмитриевич Галицкий был «хрестникъ» Сергия Радонежского (КБ 22, л. 167).

Обнаружив, что Краткий летописец Ефросина с текстологической точки зрения лежит в основании всей традиции неофициальной историографии, мы вправе связать с именем этого книжника саму попытку противопоставить великокняжескому летописанию собственную версию. Признавая Ефросина Белозерского автором этих летописных памятников, мы приходим к объяснению детально изученного Я. С. Лурье феномена неофициального летописания второй половины XV в. Видимо, благодаря Ефросину Белозерскому появились сама «вторая» история Руси XV в.²¹¹

²⁰⁸ См. реконструированную Я. С. Лурье заключительную часть текста Свода 1472 г.: БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. Вторая половина XV века. С. 318—347; о связи этого памятника с Ефросином см.: Там же. С. 531.

²⁰⁹ Там же. С. 530—531.

²¹⁰ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 204—209.

²¹¹ Ср.: Лурье Я. С. Две истории Руси XV века...

Ефросин проявил интерес не только к определенной ветви князей, но и к князьям, ставшим иноками. В дошедших до нас сборниках Ефросина содержится огромное количество выписок из православных житий, но при этом особые тексты биографического характера посвящены кроме Сергия Радонежского («Месяца септября в 25 память преподобнаго отца Сергия», КБ 22, л. 164—167 об.) только двум русским святым — Николае Святоше и Федору Черному. Примечательно, что оба они — князья-иноки, сознательно и добровольно ушедшие в монастырь. Первым древнерусским князем, избравшим иноческий путь спасения, был Никола Святоша, в миру — Святослав Давыдович Черниговский, о чем прямо свидетельствует Киево-Печерский патерик: «ни един князь в Руси не створи, волею бо никтоже вниде в чернечество».²¹² Как уже отмечалось исследователями, в одном из сборников Ефросина содержится «неизвестная редакция сцены отречения князя от мирской жизни»:²¹³ «Выехал князь Святоша <...> из града Киева и обратився на град, показа имь рукою своею град Кыевь, и рече болярюмь своим: „Воистинну, брате, суета света сего и прелесть мира сего“. Постригаютъ князя Святошу, Спасъ со аггелы невидимо предстоить. Аггелъ Господень пишеть обещание мнишескаго чина, не токмо сего обещания, но и всякого христианина, хотящи постричися во аггелъский образъ. Чернеческое нарекоша имя ему Никола. Жил в чернечестве лет 36».²¹⁴

Ефросин уделяет особое внимание и другому князю-иноку, чье почитание на Руси началось в 1463 г. (первое чудо датируется 3 апреля, которое в этом году выпадало на Вербное воскресенье): в Ярославле стали происходить чудеса от мощей добровольно, хотя и незадолго до кончины, постригшегося в монахи князя Федора Ростиславича Черного (Смоленского и Ярославского) и его детей. Распространение в 1460-х гг. культа «князя-инока» Федора Ярославского вызвало противоречивую реакцию в русском обществе. Согласно Независимому летописному своду 80-х гг. XV в., бывший игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон, теперь уже ростовский архиепископ, а также протопоп ростовский Константин не поверили в происходящие чудеса, за что оба были чудесным образом наказаны. Автор же Кирилло-Белозерского летописного свода 1472 г. писал: «...явился чудотворецъ, князь велики Феодоръ Ростиславичъ Смоленский, и з детми <...>, почало от ихъ гроба прощати множество людеи безчислено. Сии бо чудотворци явишася не на добро всем княземъ ярославскимъ: простилися со всеми своими

²¹² Древнерусские патерики... С. 29, 31.

²¹³ *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Комментарии // Древнерусские патерики. С. 406.

²¹⁴ КБ 9, л. 222—222 об.; *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников... С. 125.

отчинами навекъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичу».²¹⁵ В отличие от Я. С. Лурье, мы не замечаем здесь «неверия» летописца в святость явленных мощей,²¹⁶ а следовательно, не можем признать его приверженцем и единомышленником архиепископа Трифона. Скорее можно сделать вывод о том, что создатель летописи с горькой иронией увязывал явление мощей князя Федора Черного и ликвидацию самостоятельного Ярославского княжества: поддержка культа «князя-инока» оказалась опасной для ярославских князей, и они в результате «простились» со своей вотчиной.

Древнейший список другого текста, посвященного Федору Ярославскому, — его житие Пространного вида Проложной редакции — принадлежит перу Ефросина Белозерского и датируется 1475/76 г.²¹⁷ Здесь, по сравнению с Краткой Проложной редакцией, появившейся в 60-х гг. XV в., находится новая дополнительная часть, содержащая похвалу святому, а также историческое уточнение о жемчужине князя. Опять, как и в случае с Николой Святошей, в сборнике Ефросина появляется новый, неизвестный предшествующей рукописной традиции вариант текста о святом князе-иноке. Таким образом, можно утверждать, что Ефросина Белозерского особо интересовала тема «князя-инока»: только этот тип святости представлен в вышедших из-под его пера повествовательных текстах, посвященных русским святым, причем в обоих случаях Ефросин создал собственные оригинальные версии текста. Такой специфический интерес к определенным историческим персонажам — это невольная «автохарактеристика», позволяющая думать о княжеском происхождении самого Ефросина.

В автографе Ефросина дошли до нас княжеские родословия, приведенные книжником выборочно: кроме великих московских и тверских князей из удельных упоминаются только ростовские и белозерские (это связано, видимо, с месторасположением Кирилло-Белозерского монастыря), а также смоленские и ярославские. Для князя Ивана Дмитриевича именно эти две последние из упомянутых ветвей рода

---

²¹⁵ БЛДР. Т. 7. С. 338.

²¹⁶ См., например: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 62—66.

²¹⁷ Как отметил Б. М. Клосс, в 1476 г. Ефросин переписал в свой сборник повествование о Федоре Ярославском («Пространный вид Проложной редакции», по Б. М. Клоссу). Исследователь впервые обратил внимание на запись на поле сборника КБ 22, л. 391 об., «имеющую отношение к рассказу о Федоре Ярославском: „177 ... до 84“, которую необходимо понимать в том смысле, что от 6807 г. (года смерти Федора) до 6984 г. прошло 177 лет. На основании данного расчета лет определяем время написания статьи о Федоре как 1476 г.» (Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. С. 259—260). Точнее было бы определить время написания статьи как сентябрь 1475—август 1476 г.

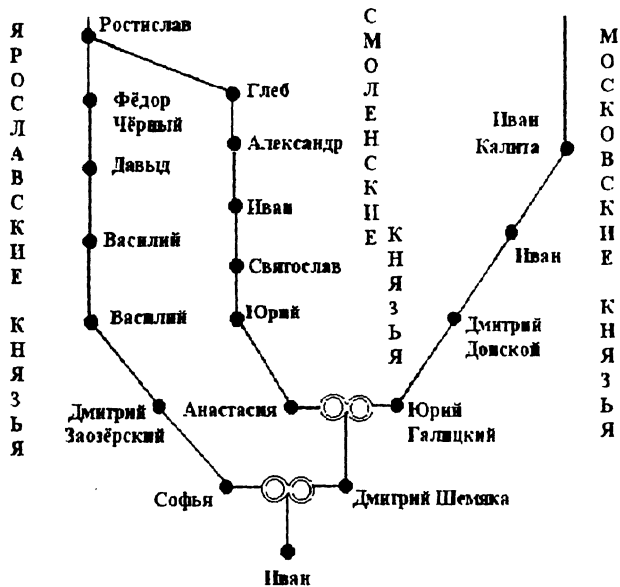

Рис. 3. Происхождение Ивана Дмитриевича от московских, смоленских и ярославских князей

Рюриковичей были особенно близки. С одной стороны, он находился в близком родстве с ярославскими князьями: его мать Софья была дочерью князя Дмитрия Васильевича Заозерского, дяди последнего ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого. С другой стороны, Иван Дмитриевич был потомком и смоленских князей: его бабушка Анастасия, жена Юрия Дмитриевича Галицкого, была дочерью Юрия Смоленского; сам он, следовательно, являлся его правнуком. Таким образом, включение Ефросином в свой сборник смоленских и ярославских родословий могло иметь для него фамильный характер (см. рис. 3).

Княжеское происхождение Ефросина, похоже, не было секретом для некоторых современников.²¹⁸ Видимо, для хорошо осведомлен-

²¹⁸ Смутные слухи о некоем жившем при Иване III князе, сначала покинувшем Русь, а затем оставившем мирские интересы и тайно избравшем духовный путь, бытовали в народе. В 1539 г. игумен Даниил сообщил, что в Переяславле при церкви св. Николая у городских ворот издавна находятся почитаемые мощи некоего князя «Андрея Смоленского», о котором рассказывали, что он «за некия крамолы от братии остави отечество», потом пришел в Переяславль и подвизался у церкви Николая Чудотворца на протяжении 30 лет. По преставлении князя на нем обнаружили «златую цепь и перстень», которые, по слухам, забрал себе Иван III; существовало якобы и некое оставленное князем «малое списаньице» о себе, позже утраченное. Присланный из Москвы чудовский архимандрит Иона признал эти исторические сведения

ного великокняжеского дьяка Федора Курицына было ясно, кем был Ефросин до пострижения. Прошло совсем немного времени после возвращения Курицына из посольства в Венгрию и Молдавию (1485 г.), как Ефросин 13 февраля 1486 г. уже копирует в свой сборник написанное этим дипломатом и, вероятно, им же самим посланное в Кирилло-Белозерский монастырь «Сказание о Дракуле». Это произведение оканчивается рассказом об убийстве жестокого Влада Цепеша — Дракулы своими собственными воинами. Далее говорится, что родственник Дракулы Влад, «от младенства инокъ, потом и священникъ и игумень в монастыри, потом ростригся и сель на воеводство <...> И ныне воевода на Мунтянской земли Владъ, иже бывы чернецъ и игумень».²¹⁹ Важно отметить при этом, что Ефросин также был иноком, священником и игуменом. Это заключение «Сказания о Дракуле», говорящее о том, что тезка тирана получил власть в своей стране, покинув свою обитель («ростригся»), находится только в списке Ефросина и в прямой копии с него XVII в., его нет ни в одной другой версии текста,²²⁰ поэтому следует считать его предназначенным Федором Курицыным для конкретного адресата: вероятно, великокняжеский дьяк таким образом давал понять Ефросину, что он бы не возражал против аналогичного развития событий и на Руси.

Пострижение в иноки князя Ивана Дмитриевича, можно думать, послужило примером для его 12-летнего родственника, известного как преподобный Иоасаф Каменский. Согласно авторитетному свидетельству современника и активного участника политической жизни той эпохи Паисия Ярославова, Иоасаф Каменский — это не кто иной, как князь Андрей Дмитриевич, родной брат Софьи Дмитриевны, матери Ивана Дмитриевича. Юный князь Андрей стал иноком в Спасо-Каменном монастыре, очевидно, в конце 1460—начале 1470-х гг. По всей видимости, пострижение произошло после 1469 г., так как, согласно «Сказанию о Спасо-Каменном монастыре» Паисия Ярославова, постригал князя Андрея Дмитриевича бывший игумен Кирилло-Белозерского монастыря Кассиан, ставший игуменом Спасо-Каменного монастыря только в 1469 г., но до 1471 г., так как Иоасаф прожил в монастыре 5 лет и преставился; далее в Сказании говорится о преставлении «не по мнози врѣмени»

недостовверными, и ходатайство о причислении князя «Андрея Смоленского» к лику святых церковными властями было отклонено (*Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. С. 86—87). Не отразилась ли в этой легенде в искаженном виде реальная судьба князя Ивана Дмитриевича, который «за некия крамолы от братии остави отечество», потом вернулся на Русь и посвятил себя служению церкви?

²¹⁹ БЛДР. Т. 7. С. 470. Влад Монах был, по одним сведениям, сыном, а по другим — братом Дракулы (Влада Цепеша) (Там же. С. 576).

²²⁰ См.: Повесть о Дракуле / Исслед. и подгот. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964. С. 86—113.

БѢ. РАТѢ. Р. ШУИ. СВАДЕНА ЧРТЬ ВЪ ХОДѢ
РЬ. И ВЛАСТЬ И НА ДА СЕБЕ И СМУШЕВА
ДУ ДМИТРЕЮ ИВАНОВИЧУ О ЕУ ИМИ
Ф. Т. НЪ. УА. СНАМНІЕ БЫН ЧНБИ
БЛАДІСКОРОВА И СВѢТІА ЗАРА.

Рис. 4. Пог. 1554, л. 14 об.: Краткий летописец (автограф Ефросина).
Вместо «Дмитрею Ивановичу» Ефросин начал писать «Ивану»

ГРОМЪ ГРЕМИТЬ СЛАВНЪ
ГОРОДЪ МОСКВѢ. ТО ПИ БРА
ТЕ МЕСТОУ КЪ СТОУЧИТЬ. НИ
ГРОМЪ ГРЕМИ. СТОУЧИТЬ СИЛНА
РАТЬ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
НА ДМИТРИЕВИ. ГРЕМАТЬ

Рис. 5. КБ 9, л. 126: «Задонщина» (автограф Ефросина).
Вместо «Дмитрия Ивановича» Ефросин написал «Ивана Дмитриевича»

игумена Кассиана, следующая же статья посвящена пожару 1476 г., причем от погребения князя-инока до пожара прошло «много лѣтъ».²²¹

Укажем также на две характерные «описки» инока Ефросина. В Кратком летописце под 1360 г. он говорит о вокняжении Дмитрия Донского и начинает писать другое имя: «Ивану (зачеркнуто. — А. Б.) Дмитрею Ивановичу» (см. рис. 4). В «Задонщине» Ефросин оставляет неисправленным следующий текст: «Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремитъ в славне городе Москве. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит, стучить силная рать великаго князя Ивана Дмитриевича» (вместо Дмитрия Ивановича, прадеда князя Ивана Дмитриевича Шемякина; см. рис. 5). В контексте сказанного выше эти чтения приобретают характер подсознательной «прого-

²²¹ См.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 54—55; *Прохоров Г. М.* Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 161.

ворки», а возможно, даже своеобразной «спрятанной» подписи князя-инока (в особенности это касается чтения «Задонщины», где имя Ивана Дмитриевича включено в контекст одного из центральных эпизодов поэтического повествования о Куликовской битве).

К этим аргументам, подробно изложенным в статье 2003 г.,²²² мы можем добавить еще одно соображение, укрепляющее, на наш взгляд, предложенную гипотезу. Проведенный С. Н. Кистеревым текстологический анализ одного из переписанных Ефросином памятников — Славяно-русской редакции византийского Земледельческого закона — показал, что кирилло-белозерский монах был прекрасным знатоком юридической практики своего времени, поскольку он создал особую версию текста этого сочинения под особым заглавием («От Устиановых книг князем православным о земледѣлцех» — КБ 9, л. 15), выписав только статьи «с нехарактерными для русского права санкциями» и при этом опустив главы, соответствующие «обычному праву» средневековой Руси.²²³ С. Н. Кистерев полагает, что Ефросин рассматривал памятник не как «свод законов, которым должно следовать в судебной практике», а как «некий памятник, полезный в познавательных целях <...>, подобно текстам литературных памятников»,²²⁴ но исследователь не задался вопросом: откуда мог монах далекой северной обители так хорошо знать юридическую практику применения законов русскими князьями, княжеское «обычное право», чтобы осуществить подобное редактирование Земледельческого закона? Гипотеза о княжеском происхождении Ефросина позволяет хорошо объяснить отмеченный С. Н. Кистеревым текстологический факт.

5.2. Троице-Сергиев монастырь

«Как появился в Кирилловском монастыре Ефросин, откуда он взялся? Конечно, инок этот не мог родиться в монастырских стенах и должен был откуда-то прийти. Но из каких мест? Когда принял постриг?», — задавал многочисленные вопросы Я. С. Лурье.²²⁵ До сих пор у исследователей не было даже предположительного ответа на них.

По гипотезе Я. С. Лурье, Ефросин Белозерский зимой 1477/78 г. направился в Прилуцкий Рождественский монастырь, находившийся в Углицком княжестве.²²⁶ Основанием для такого предположения

²²² Бобров А. Г. Попытка одного отождествления... С. 270—278.

²²³ Кистерев С. Н. Ефросиновский извод... С. 302, 304.

²²⁴ Там же. С. 304.

²²⁵ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения... С. 57.

²²⁶ Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников... С. 347—356. Это мнение было оспорено Е. Э. Шевченко, считающей, что упомыная поездка на игуменство относится к Ферапонтову монастырю (Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартириан... С. 297—298).

исследователя явились упоминание в сборнике КБ 11, л. 235 того, что книжник куда-то «тое же зимы (6986 г. — А. Б.) на игуменство поѣхаль», и анализ Данной грамоты Ивана Владимировича Кулудара Троице-Сергиеву монастырю на земли у реки Корожечны. Сравнение почерков позволило Я. С. Лурье прийти к выводу, что именно Ефросин Белозерский написал указанную грамоту в качестве игумена подведомственной Троице-Сергиеву монастырю небольшой обители Рождества Христова «в Прилуцѣ», на юге Углицкого княжества, и речь в ней идет об *углицких* землях.²²⁷ Поскольку текст этого документа принципиально важен для наших дальнейших рассуждений, приведем его полностью:

«По духовной грамоте и по приказу отца своего Володимера Ивановича, се азъ, Иванъ Кулодал, придал есмь Сергееву монастыря игумену с братьею, даль есмь по своем отци Володимерѣ и по своей матери Оленѣ, и по своем и сыну по Борисѣ, дал есмь Лбовское селце Ивашковское Киселева, да Пантиньское деревню Заручие, со всѣм с тѣм, что к тѣм потягло истарины, да Лѣчищньскую деревню, да Попрядино, да Данилиево, да Павлавъскую пустошь. Да придал послѣ того Чудинковское, да луговѣ возлѣ Корожечну по рѣку по Шушемячу, и с перевѣсьи. А дал есмь тѣ земли и с купчими грамотами. А на то послук: Констан Ондрѣевичъ сынъ Ясленичев. А грамоту писал игумен Ефросинъ. А подписалъ Кулударъ само своею рукою».²²⁸

Для датировки Данной Ивана Кулудара существенное значение имеет отсутствие в ее тексте упоминания имени троицкого игумена, что, согласно Г. В. Семенченко, свидетельствует о написании ее в период междуигуменства. По мнению исследователя, во второй половине XV в. в Троице-Сергиевом монастыре не было игумена между мартом и сентябрем 1454 г. и между мартом 1463 г. и 1 июня 1467 г.²²⁹ Основываясь на том, что 10 марта 1455 г. село Лбовское уже упомянуто в качестве монастырской вотчины, Г. В. Семенченко относит документ к первому из названных периодов.²³⁰ Это мнение, однако, представляется нам ошибочным. В Жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича, датированной 10 марта 1455 г., упоминаются «монастырь Рожество Христово в Прилуце, Удинское село с деревнями, да во Кью Лбово, а дал Володимер Ирецкои (отец Кулудара. — А. Б.)»,²³¹ в то время как в интересующей нас Данной

²²⁷ Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников... С. 350—351.

²²⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. С. 163 (№ 229). Фотография грамоты: Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников... С. 349.

²²⁹ Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов второй половины XV в. // АЕ за 1987 г. М., 1988. С. 45, 50.

²³⁰ Там же. С. 47 (сн. 13).

²³¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. С. 183 (№ 254).

Ивана Кулудара говорится, что он «придал есмь Сергееву монастыря игумену с братьею» еще одно «Лбовское селце». Таким образом, само село Лбово дал в монастырь еще отец дьяка, а сын позже в дополнение к нему «придал» уже *после* смерти своего отца («по своем отци Володимерѣ») «Лбовское селце Ивашковское Киселева»,²³² значит, речь идет о разных владениях. Я. С. Лурье на основании сопоставления этих актов справедливо предположил, что Лбово было дано в монастырь Владимиром Ирецким «еще до 1455 г., а в грамоте его сына были перечислены дополнительные пожалования».²³³ В таком случае Данную Ивана Кулудара и пребывание Ефросина «на Прилуцѣ» следует относить ко времени не до, а после марта 1455 г., т. е. не к первому, а ко второму периоду междуигуменства в Троице-Сергиевом монастыре (март 1463 г.—1 июня 1467 г.).²³⁴

Приписной к Троице-Сергиевой обители Прилуцкий монастырь в Углицких землях впервые упоминается в Жалованной тарханной и несудимой грамоте князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, датированной около 1445 г.²³⁵ Для того чтобы стать игуменом приписного углицкого Прилуцкого монастыря, Ефросин сначала должен был войти в число членов Троице-Сергиевской духовной корпорации, поскольку в Жалованной грамоте Дмитрия Шемяки Троице-Сергиеву монастырю прямо говорится: «А деръжить игумень (Троицкий. — А. Б.) у своих людии у монастырьских пятно свое; а прикажетъ своему чернцю Троицького монастыря, хто у них в Прилуцѣ строитель ни будет (курсив и подчеркивание мои. — А. Б.), и тот старе[ц] пятно деръжить у себя; а хто людии монастырьских минить лошадь или купить, и онъ запят[н]ит у своего старца, а моему пятенщику в том нѣтъ ничего. А вѣдает и судит тѣи люди свои игумень сам, или кому прикажетъ».²³⁶ Поскольку Ефросин был игуменом («строителем», по терминологии Жалованной грамоты Дмитрия Шемяки) на Прилуке, мы должны признать его, соответственно, прежде всего иноком Троице-Сергиева монастыря.²³⁷

²³² Там же. С. 163 (№ 229).

²³³ Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников... С. 350.

²³⁴ К этому же периоду междуигуменства 1463—1467 гг. Г. В. Семенченко относит и другое поступление в Троицкий монастырь углицкой вотчины (Купчая чернеца Сергиева монастыря Ульяна на пустошь Токарево: Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов второй половины XV в. С. 47).

²³⁵ Жалованная грамота Дмитрия Шемяки может быть датирована периодом между 1 сентября 1444 г. и 13 февраля 1446 г. (Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов конца XIV—первой половины XV в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 105).

²³⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. С. 92 (№ 115). Пятно — это «клеймо на продажных лошадях и пошлина, взимавшаяся при пятнании» (Там же. С. 756).

²³⁷ Е. Э. Шевченко и С. Н. Кистерев, не знаяши, что в Жалованной грамоте Шемяки прямо говорилось об обязательной принадлежности прилуцкого настоятеля к числу иноков Троице-Сергиева монастыря, высказывали следующие сооб-

Г. В. Семенченко почему-то считал, что упомянутый в Жалованной грамоте Дмитрия Шемяки монастырь «нельзя отождествлять» с обителью Рождества Христова «в Прилуце».²³⁸ Нам, напротив, это отождествление представляется единственно возможным: ни о каком другом приписном к Троице монастыре в углицких землях источники не сообщают. Вскоре после написания Жалованной грамоты Шемяки, когда Углич был захвачен великокняжескими войсками, Василий Темный в начале 1447 г. также дал Жалованную тарханную и несудимую грамоту, в которой упоминаются те же самые географические названия, что и в грамоте Дмитрия Юрьевича. Если грамота Шемяки называет «в Кинель» (Кинельский стан) с. Удинское и с. Воздвиженское, а «во Кью» (Койская волость) — с. Перетерское, то в грамоте Василия Темного 1447 г. упоминается «монастырь Рожства Христова въ Прилуцѣ» вместо с. Удинского, а далее говорится о тех же селах Воздвиженском и Перетерском.²³⁹ Наконец, в Жалованной грамоте Василия Темного 1455 г. называется «монастырь Рожество Христово в Прилуцѣ, Удинское село с деревнями», следовательно, монастырь Рождества Христова «въ Прилуцѣ» находился в с. Удинском.²⁴⁰ Безусловно, в Жалованной грамоте Дмитрия Шемяки речь идет о том же Прилуцком монастыре Рождества Христова, что и в более поздних актах.

Итак, маленький приписной к Троице-Сергиеву Прилуцкий монастырь впервые упоминается в связи с пожалованием ему льгот Дмитрием Шемякой около 1445 г. Скорее всего, во время княжения в Угличе Шемяки (1434—1447 гг.) он и был основан. В более позднее время, в конце XVI в., этот монастырь состоял из одного игумена;²⁴¹ вряд ли ситуация существенно отличалась и в середине

ражения: «Вряд ли в небольшой подвластный монастырь, каким являлся Углицкий Прилуцкий монастырь по отношению к Троице-Сергиеву, назначили бы игуменом выходца не из вышестоящего монастыря» (*Шевченко Е. Э.* Книжник XV в. Мартириан... С. 298); «...вряд ли возможно допустить, чтобы троицкие власти <...> допустили к руководству вотчинного монастырька вовсе незнакомого монаха с Белоозера» (*Кистерев С. Н.* Ефросиновский извод... С. 298). Из этих рассуждений, безусловно, напрашивается вывод о том, что Ефросин был «выходцем» из Троице-Сергиева монастыря.

²³⁸ Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов конца XIV—первой половины XV в. С. 106 (сн. 50).

²³⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. С. 134 (№ 189).

²⁴⁰ Жалованная оброчная и несудимая грамота на село Удинское князя Андрея Владимировича Радонежского, сына Владимира Храброго, датируется мартом 1411 г., но о находящемся здесь приписном к Троице монастыре в ней еще речь не идет (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. С. 40—41, № 29).

²⁴¹ «Село Прилуки <...> церковь Рождество Христово. В селе ж у тех церкви в келье игумен» (Писцовые книги Московского государства / Изд. РГО под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1. С. 24).

XV в. Этот игумен («строитель») имел в своем распоряжении клеймо для «пятнания» (клеймения) лошадей на продажу, т. е. был вынужденно вовлечен в мирские интересы. Возможно, представитель Троице-Сергиева монастыря посылался в Прилук также для управления углицкими владениями этой духовной корпорации.

Фиксируемое документально присутствие Ефросина в качестве монаха и игумена на Углицкой земле, где прошло детство Ивана Дмитриевича, причем в том самом Прилуцком монастыре Рождества Христова, который на два десятилетия раньше получил Жалованную тарханную и несудимую грамоту его отца, представляется нам еще одним веским аргументом в пользу гипотезы о тождестве князя и священноинока. Отметим также, что в статье «От Странника» другими чернилами, отличными от основного текста, но рукой самого Ефросина, сделано характерное дополнение: «От Белоозера до Углеча 240 версть» (КБ 22, л. 224 об.).²⁴²

То обстоятельство, что Ефросин вернулся в места, где провел детство княжич Иван, несомненно, корреспондирует с фактом встречи инока с дьяком Кулударом Владимировичем Ирежским. Напомним, что в 6956 (1447/48) г. дьяк находился на службе у Ивана Андреевича Можайского.²⁴³ Кулудар мог быть известен князю Ивану Дмитриевичу по воспоминаниям о Москве 1446 г., когда он, будучи восьми-девятилетним княжичем, должен был встречаться с дьяком ближайшего союзника своего отца Ивана Можайского или хотя бы слышать о нем. Исследователи уже обращали внимание на то, что вотчина Кулудара находилась в Углицком княжестве, чем может объясняться его позиция во время феодальной войны.²⁴⁴ Характерно, что данное Кулударом Ефросину углицкое сельцо Лбовское, по видимому, не попало в монастырь, т. е. пожалование не было утверждено великокняжеской властью, так же, как и некоторые вклады Юрия Дмитриевича и Дмитрия Юрьевича Шемяки.²⁴⁵

Для нас особенно интересно, что на полях одного из Ефросиновских сборников читаем такую его запись на внутреннем поле листа: «На Москвѣ нѣкто тать именем Куладарь до 300 церкви покраль» (КБ 9, л. 2). Невозможно представить себе великокняжеского дьяка, лазающего по ночам в церкви, поэтому речь идет, скорее всего, о каком-то церковном сокровище, стоимость которого так велика, что была приравнена Ефросином к имуществу 300 церквей. Очевидно,

---

²⁴² Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 60.

²⁴³ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 160.

²⁴⁴ Зымин А. А. Витязь на распутье... С. 243; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 160.

²⁴⁵ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 71, 80.

что наилучшую возможность «покрасть» «на Москве» церковное имущество дьяк Кулудар имел во время недолгого совместного правления в столице Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского, а именно в 1446 г. Находившийся с отцом юный князь Иван Дмитриевич вполне мог быть в курсе злоупотреблений дьяка, а став иноком, побудить Кулудара вернуть церкви похищенное имущество.

К этой мысли подводит нас контекст записи Ефросина о Кулударе. В основном тексте рукописи, на том листе, поперек которого оставил помету Ефросин, и на его обороте говорится, каким образом могли быть похищены эти, несомненно, охраняемые церковные сокровища (впрочем, можно рассматривать этот рассказ и как притчу): «Аще кто вложивъ челоувѣка в ковчегъ и поставит ковчегъ въ церкви, аще же кто излѣзъ ис ковчега, покрадетъ нѣкая церковная, церковныя татбы вина причастником подобна естъ внесшимъ ковчегъ въ церковь. О имѣнии бо, еже взято бысть от церкви, будетъ на нихъ взыскание» (КБ 9, л. 2 об.).

На этом описании довольно хитроумного частного случая хищения церковного имущества статья заканчивается, дальше речь в сборнике Ефросина идет уже совершенно о другом (об иереях). Таким образом, цепочка Кулудар—Шемяка—Углич—Ефросин—Кулудар замкнулась: великокняжеский дьяк мог быть, разумеется, не исполнителем, а только соучастником преступления («причастником», например, «внесшимъ ковчегъ въ церковь»), совершенного, вероятнее всего, в 1446 г., но все равно должен был отвечать перед церковью своим «имением» — имуществом («будетъ на нихъ взыскание»). Получается, что вклад Кулудара был сделан вынужденно, по настоянию Ефросина, знавшего о неблагоприятном поступке государственного чиновника.²⁴⁶ При этом допущении становится понятной та очевидная связь, которая через дьяка Кулудара устанавливается между княжеским прошлым Ивана Дмитриевича и дошедшими до нас автографами книжника Ефросина.

Заметим, что ранее вкладчиками в Троице-Сергиев монастырь были дед Ивана Дмитриевича — Юрий Галицкий и отец — Дмитрий Шемяка,²⁴⁷ в том числе, согласно гипотезе Г. В. Семенченко, давший вклад по душе своего родного брата — Ивана Юрьевича, ставшего иноком с именем Игнатий.²⁴⁸ Хотя вклады самого князя Ивана Дмитриевича либо инока Ефросина в Троице-Сергиеву обитель неизвестны, следует подчеркнуть, что проведенный М. С. Чер-

²⁴⁶ Вполне вероятно, что Иван Кулудар приобрел передаваемые через Ефросина в Троицкий монастырь вотчины (а он их купил, поскольку дает в обитель вместе «с купчими грамотами») благодаря тому, что некогда на Москве «до 300 церкве покраль».

²⁴⁷ См.: *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря... С. 71.

²⁴⁸ *Семенченко Г. В.* Неизвестный сын Юрия Галицкого... С. 188—193.

касовой «анализ состава троицких сел за вторую половину XV в. (после 1462 г. — А. Б.) показывает, что в их числе оказалось много таких, о которых неизвестны ни время, ни источники, ни способы их включения»; из 32 новых сел «половина была получена неизвестным путем».²⁴⁹

Итак, Ефросин обнаруживается в качестве игумена (строителя) Углицкого Прилуцкого монастыря, который находился в тех самых краях, где прошло детство князя Ивана Дмитриевича, в маленькой обители, которой покровительствовал его отец Дмитрий Шемяка; знакомый Ивану Дмитриевичу по юным годам дьяк Кулудар оказывается связан с Ефросином, упоминающим его в записи на полях сборника и получившим от него земельный вклад в монастырь; осуществленный через Ефросина земельный вклад Кулудара в Троице-Сергиев монастырь, подобно некоторым вкладам Юрия Галицкого и Дмитрия Шемяки, не был санкционирован великокняжеской властью. Все эти обстоятельства являются, на наш взгляд, дополнительными аргументами в пользу гипотезы о тождестве князя Ивана и монаха Ефросина.

Как уже отмечалось выше, датировка грамоты Кулудара — Ефросина по междуигуменству в Троицком монастыре позволяет относить эпизод с пребыванием инока в углицкой Прилуцкой обители к периоду между мартом 1463 г. и 1 июня 1467 г. Напомним, что в 1463 г. сын Шемяки исчезает с исторической сцены как действующее лицо и что самая ранняя из записей книжника в переписанных им сборниках относится к 18 июля 1463 г. (к этому дню он уже закончил переписывать Апокалипсис). Первое чудо у гроба Федора Ярославского и его детей датировано 3 апреля 1463 г. (Вербное воскресенье),²⁵⁰ а распространение этого культа «князя-инока», на наш взгляд, явилось откликом на пострижение в монахи Ивана Дмитриевича. В таком случае можно думать, что князь стал иноком в Троице-Сергиевом монастыре в воскресенье, 6 марта 1463 г., когда, согласно месяцеслову Ефросина Белозерского, отмечалась память святого с таким именем («Марта 6. Святыи мученикъ Ефросинъ водою врящею напоень скончася» — КБ 22, л. 137 об.).

Действительно, могут быть предложены веские аргументы, свидетельствующие о связи Ефросина с Троице-Сергиевым монастырем, особенно в ранний период его иночества. В научной литературе уже отмечались некоторые обстоятельства, говорящие об этой связи: наличие в его сборниках указания на количество книг в библиотеке

---

²⁴⁹ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря... С. 101, 102. Среди этих вотчин неустановленного происхождения есть и село Васильевское, находящееся в Углицком уезде (Там же. С. 101).

²⁵⁰ ПСРЛ. Т. 20, первая пол. С. 276; ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 159.

обители (КБ 6, л. 80: «В Сергиеве монастыре книг 300, а молитвенников 20») и перечня троицких игуменов (КБ 22, л. 164 об.).

По мнению С. Н. Кистерева, Ефросин находился в Троице-Сергиевом монастыре в 1475—1476 г., поскольку перерыв в его работе над Торжественником ГИМ, собр. Уварова, № 338 отмечен датами 21 декабря 1474 г. и 21 декабря 1476 г., и этому перерыву соответствуют датированная запись в сборнике КБ 6 на л. 78 об. (10 апреля 1476 г.), следующая за ней на л. 80 (о количестве книг в Сергиевом монастыре), а также даты игуменства последнего в ефросиновском перечне троицкого настоятеля Авраамия (1475—1478 г.).²⁵¹ Однако этой гипотезе противоречит то обстоятельство, что в том же сборнике КБ 6 на л. 117 книжник отметил: «в Фарафоновъ писано». Хорошо известные ему сведения о количестве книг в троицкой библиотеке и об игуменах этой обители Ефросин мог записать по памяти, совсем необязательно в Сергиевой обители, сделав пометы на полях рукописей по ассоциации с теми текстами, которые были переписаны на соответствующих листах сборников («Молитва преподобному Сергию», КБ 6, л. 79—80 и «Месяца сентября въ 25 память преподобнаго отца Сергия», КБ 22, л. 164—167 об.). Хотя нельзя исключить посещение Ефросином своей прежней обители и в более позднее время, в целом его пребывание иноком Троице-Сергиева монастыря мы относим к периоду между 6 марта 1463 г. и концом 1460-х гг.

К этому времени можно отнести часть дошедших до нас автографов книжника. Предполагаемый «Троицкий» комплекс включает рукопись КБ 53 и часть сборника КБ 22. В этот период жизни и творчества Ефросин, видимо, переписал своей рукой:

1. **Апокалипсис**, до 18 июля 1463 г. (КБ 53, л. 130—155 об.; датирующая запись на л. 155 об.) и **Синаксарь (с добавлениями?)**, около 1463 г. (КБ 53, л. 274—280, 300—317).

Две рукописи — Апокалипсис и Синаксарь — были соединены Ефросином между собой и с другими тетрадями, переписанными разными почерками, в единый кодекс. Поскольку, как установил М. А. Шибаев, для всей бумаги КБ 53 характерна единая схема разлиновки по 27 строк,²⁵² можно утверждать, что все части рукописи были переписаны около 1463 г. в одном книжном центре — Троице-Сергиевом монастыре.²⁵³

²⁵¹ См.: Кистерев С. Н. Ефросиновский извод... С. 296—297.

²⁵² Шибаев М. А. Списки Софийской I летописи... С. 106.

²⁵³ В дополнительных тетрадях КБ 53, принадлежащих перу не Ефросина, а иных книжников, содержатся: чтения из Пролога; Повесть о Варлааме и Иоасафе (л. 84—122 об.); рассказ о крещении Руси (л. 122 об.—129 об.); История Иудейской войны (л. 426—493 об.) и др. Если принять мнение М. А. Шибаева, что в КБ 53 автографом Ефросина является не только Синаксарь, но и л. 194 об.—273 об.; 281—299 об.

2. **Сборник литературно-исторический**, около 1463 г. (КБ 22, л. 1—46, 88—198, 201—274, 283—321, 327—338; далее — **Троицкий сборник**), включающий в себя, в частности, следующие тексты (содержание сборника приводится нами выборочно; отмечены главным образом славянские сочинения и произведения, представляющие особый интерес для истории древнерусской литературы): Русский летописец (КБ 22, л. 14 об. + Пог. 1554, л. 13—17); выписки из Палеи; Повесть о царе Дариане (л. 19—20); выписки из Повести о Варлааме и Иоасафе (л. 32 об.—33, 107—107 об., 319—320 об.); названия рек, гор, морей и ветров; Индекс запрещенных книг (л. 39 об.—42); чтения из Пролога; Слово епископа Симеона Тверского князю Константину Полоцкому (л. 107 об.—108 об.); выписки из Кормчей; Слово об освящении церкви св. Георгия «иже в Киевѣ пред враты святыя София» (л. 122—122 об.); Память Сергия Радонежского с летописными приписками на полях (л. 164—167 об.); числительные татарского языка (л. 169); антилатинские поучения (л. 183 об.—190 об.); «От Странника» — дорожник (л. 223 об.—224 об.); Послание Василия Калики Феодору Тверскому о рае, «от лѣтописца взято» (л. 239—244); Послание афонских иноков Василию Темному о Флорентийском соборе (л. 244—250); «Толкование неудобъ познаваемым въ писаных рѣчехъ» (л. 264—265); Повесть о Ватопедском монастыре (л. 273 об.—276); Память Варлаама Хутынского (л. 290—290 об.); Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши (л. 335—338 об.); О происхождении астрономии (л. 338 об.) и др.²⁵⁴

Начиная с л. 339 заметно изменяется почерк Ефросина, он становится более крупным, частично сменяются и сорта бумаги. Отпечаток киновари с л. 339 на л. 338 об., безусловно, является результатом намования рукописи в процессе ее бытования, а не возможным свидетельством синхронности создания ее частей (см. рис. 6).

На основании указаний, принадлежащих авторам «Описания сборников» Ефросина, на схожие водяные знаки в альбомах фили-

---

(см.: *Шибяев М. А.* Списки Софийской I летописи... С. 106), то его перу принадлежат также выписки из Книги пророка Даниила (л. 194 об.—222) и поучения Иоанна Златоуста.

²⁵⁴ Таким образом, мы относим к позднему, кирилло-белозерскому периоду творчества Ефросина создание второй части сборника КБ 22 начиная с л. 339. В эту часть рукописи вошли замечание «Иордан рѣка помене Шехстны...» (л. 342); апокрифическая «Легенда о перстне» (л. 342—342 об.); Слово о русалиях (л. 353 об.—356 об.); Память князя Феодора Черного (л. 389 об.—392; на л. 391 об. помета 1475/76 г.); выписки из «Истории иудейской войны» (л. 407—423 об.); выписки из Хроники Георгия Амартола (л. 420—425 об.); хронология татарских набегов с 1377 по 1453 г. (л. 435); княжий и митрополичий Синодик-поманник (л. 435 об.); перечень шести причин ухода из монастыря (л. 442); О дочери Александра Македонского, похитившей «породимскую» воду (л. 505—506); Слово о злых женах (л. 506—506 об.) и др.

А ПЕННИМАТРАНЫ. НЕОФ.

БОБЫ МАТРАНЫ ОУ СНОУШИВИВЪ
 СОНЪ. П. МОУЧИ ШАВЪ, ША КЕ НИЙ ПЛОЩА
 БИ ПЕВРА ТРИЛОГО ЮРЬЕ. ЕЛИ ОУШНА
 ЖЕНЬ ПИИМА ПЕЛАШИ, МАМАШЕ ИСАМА
 ШЕОНЪ СОУПИ. ГАИ ШИСОУ ОУШБИЕ ШЕ
 ИМА СОУИМЕНА ШАША. ШИЗМА РЕИШИ
 ЕМАИСО ЕРИ АЛЕХАИМА РИЧА ЕТЬ, АРЮ
 ШИ АНТИШ. ПДЕ ПИКСЕ ПИИСО. ГЛАШЕ
 ТСАИ, ДНИ ЕРИНО ТОИМАУ. БАУБАО ШЪ
 ЦАКАШ УТИКШИ: ЕТРА ИСТАТИ СВО
 СТОМОУКА ШЕРОУСА. ШИИ МАКАУ
 ДОУЖАШЕ, И ПРАЧЕСТАНИ АРЮ
 КВА РОУТЮ. АШВ ЮИМА МАПАТИИ
 КОЮОУДА ПАРЖЕ ГЛАХУ. И СЕТЛОРЕ,
 ЯРЕ БІ ЕМ ВАРЕ. ЖРЕБЮ МА ИСАСТА
 ИТИНЪ ПАРШО. А ПИШУЖЕ ИА ЛЕУ
 ПЕРБА ЖЕ БІА. А ПИШУЖЕ ИА ЛЕУ
 ПРЪ. ЖРЕБИА МЕНАСТА ПАРШИРА
 ТЫ МЕНАШЕ ИТ. ЕМОУЖЕБИМА
 КОВАТИИ ПТАШУ. А ПИШУЖЕ ИА ЛЕУ
 ШЕ ТЛОЦИИ, МЕНИ ПЛИ МЕНЕ ШЕ
 НИ ЕРИНО БІА МЕНАМОУ. ЕРИНО
 ШЕ БІА БОУ СЕБЕ ПЕРА. Ж. СЕБЕ
 (ЗАДАТАЦИИ ШЕ) БМОУ ПТАС
 ШУ МЪ ШИ ШИ И ШИ И ШИ

А ПЕННИМАТРАНЫ. НЕОФ.
 БОБЫ МАТРАНЫ ОУ СНОУШИВИВЪ
 СОНЪ. П. МОУЧИ ШАВЪ, ША КЕ НИЙ ПЛОЩА
 БИ ПЕВРА ТРИЛОГО ЮРЬЕ. ЕЛИ ОУШНА
 ЖЕНЬ ПИИМА ПЕЛАШИ, МАМАШЕ ИСАМА
 ШЕОНЪ СОУПИ. ГАИ ШИСОУ ОУШБИЕ ШЕ
 ИМА СОУИМЕНА ШАША. ШИЗМА РЕИШИ
 ЕМАИСО ЕРИ АЛЕХАИМА РИЧА ЕТЬ, АРЮ
 ШИ АНТИШ. ПДЕ ПИКСЕ ПИИСО. ГЛАШЕ
 ТСАИ, ДНИ ЕРИНО ТОИМАУ. БАУБАО ШЪ
 ЦАКАШ УТИКШИ: ЕТРА ИСТАТИ СВО
 СТОМОУКА ШЕРОУСА. ШИИ МАКАУ
 ДОУЖАШЕ, И ПРАЧЕСТАНИ АРЮ
 КВА РОУТЮ. АШВ ЮИМА МАПАТИИ
 КОЮОУДА ПАРЖЕ ГЛАХУ. И СЕТЛОРЕ,
 ЯРЕ БІ ЕМ ВАРЕ. ЖРЕБЮ МА ИСАСТА
 ИТИНЪ ПАРШО. А ПИШУЖЕ ИА ЛЕУ
 ПЕРБА ЖЕ БІА. А ПИШУЖЕ ИА ЛЕУ
 ПРЪ. ЖРЕБИА МЕНАСТА ПАРШИРА
 ТЫ МЕНАШЕ ИТ. ЕМОУЖЕБИМА
 КОВАТИИ ПТАШУ. А ПИШУЖЕ ИА ЛЕУ
 ШЕ ТЛОЦИИ, МЕНИ ПЛИ МЕНЕ ШЕ
 НИ ЕРИНО БІА МЕНАМОУ. ЕРИНО
 ШЕ БІА БОУ СЕБЕ ПЕРА. Ж. СЕБЕ
 (ЗАДАТАЦИИ ШЕ) БМОУ ПТАС
 ШУ МЪ ШИ ШИ И ШИ И ШИ

Рис. 6. КБ 22, л. 338 об. — 339: Предполагаемое окончание Троицкого сборника (автограф Ефросина)

граней можно сделать предварительный вывод, что при создании Троицкого сборника Ефросин использовал бумагу из одного запаса, имеющую общие водяные знаки с бумагой, использованной им же при написании Апокалипсиса и Синаксаря, а также другими книжниками в переписанных в те же самые 1460-е гг. дополнительных тетрадах сборника КБ 53 (см. таблицу).²⁵⁵

Апокалипсис (КБ 53, л. 130—155)	Синаксарь (КБ 53, л. 274—280, 300—317)	Дополнения КБ 53 (л. 1—129, 156—274, 281—300, 318—589)	Троицкий сборник (КБ 22, л. 1—46, 88—198, 201—274, 283—321, 327—338)
1463 г.	около 1463 г.	около 1463 г.	около 1463 г.
Ефросин	Ефросин	<i>не Ефросин</i>	Ефросин
	Бык: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 2592 (1440— 1450-е гг.)		Бык: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 2592 (1440— 1450-е гг.)
		Виноград: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 1019 (1456 г.), <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 2594 (1450-е гг.)	Виноград: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 1019 (1456 г.), <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 2594 (1450-е гг.)
Голова быка: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 1012 (1455 г.)	Голова быка: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 1012 (1455 г.)		
	Зубр: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 4039 (1459 г.)		Зубр: <i>Лихачев. Вод. зн.</i> № 4039 (1459 г.)
		Конь: <i>Брике. № 3571</i> (1453—1481 гг.)	Конь: <i>Брике. № 3571</i> (1453—1481 гг.)

По всей видимости, можно предположить, что эти рукописи были переписаны и составлены в одном месте, где имелся запас бумаги с одним репертуаром водяных знаков, в Троицкой обители. В пользу этого предположения свидетельствует и наблюдение М. А. Шибаева. Исследователь установил, что сборник КБ 53 имеет тождественный водяной знак (две парные филигранные «Корона») с рукописью, переписанной Пахомием Сербом в Троице-Сергиевом монастыре в 1459 г. (РГБ, ф. 173/1 (собр. библиотеки МДА), № 23, до л. 225 об.). М. А. Шибаев объяснил этот факт тем, что Пахомий приезжал в 1462 г. на Белое озеро для создания Жития Кирилла и, возможно, привез с собой бумагу, часть которой оставил в монастыре.²⁵⁶ Это предположение не лишено оснований, но,

²⁵⁵ Наблюдения над характером распределения водяных знаков в сборниках Ефросина имеют предварительный характер. Безусловно, необходимо специальное полное филигранологическое и кодицилогическое исследование этих сборников, которое остается задачей будущего.

²⁵⁶ *Шибаев М. А. Списки Софийской I летописи... С. 106—107.*

учитывая установленную принадлежность Ефросина к троице-сергиевской братии в 1460-х гг., скорее можно думать, что именно в этом монастыре он использовал общие с Пахомием Сербом запасы писчей бумаги.

Эта гипотеза кажется нам весьма вероятной и по другим причинам. Ефросин Белозерский, видимо, был связан с Пахомием Сербом не только использованием одного и того же запаса бумаги. В Троицком сборнике Ефросин переписал «Сказание о Ватопедском монастыре». Этот сюжет вошел также в цикл новгородских и афонских произведений «Повести древних лет», который в специальном исследовании был атрибутирован нами Пахомию Сербу и датирован концом 70-х гг. XV в. Эту легенду, судя по всему, Пахомий Серб записал по памяти на склоне лет вместе с целым циклом новгородских и афонских преданий. Весьма интересные результаты дает параллельное рассмотрение текстов обоих памятников:²⁵⁷ между двумя рассказами о чудесном событии с потерявшимся и обретенным ребенком есть много общего. Полностью совпадает сюжетная схема, вплоть до мельчайших деталей: (1) Путешествующий по морю купец пристаёт к суше, чтобы набрать воды. (2) Вместе с женой и маленьким сыном они выходят на берег (3) и гуляют. (4) Внезапно обнаруживается исчезновение ребенка; (5) его ищут, но после нескольких дней тщетных поисков отчаявшиеся родители уезжают. (6) Спустя год они возвращаются на то же место и вдруг видят своего сына. (7) Он убегает от них и прячется в куст. Купец с женой зовут ребенка, говорят, что они — его родители, (8) но он отвечает: «Моя мать здесь». (9) Проникнув в куст, отец и мать видят Богородицу. (10) Они спрашивают сына, как он спасся, (11) и тот отвечает, что его сохранила мать — Богородица. (12) Родители «поклоняются» ей и (13) создают на этом месте церковь Благовещения и монастырь, (14) в котором принимают постриг. (15) Этот монастырь называется Ватопед.

Если в версии Пахомия повествование развивается неспешно и размеренно, то у Ефросина действие динамично и стремительно. Сербский писатель не забывает отметить, что его купец был «велики богат», и корабль у него наполнен «всяким товаром», и торговал он «с великим прибытком», и даже его люди («корабници») не просто так ходили по берегу, а собирали «овоция». Все это важно потому, что в конце концов он не просто стал монахом, но и «имение свое вдасть» в обитель, благодаря чему монастырь становится «вел-

²⁵⁷ Сочинение, приписываемое Пахомию Сербу, цитируется по списку РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 659 (см. издание: *Бобров А. Г. «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 168—169*), а версия Ефросина Белозерского публикуется нами в работе: *Бобров А. Г. Ефросин Белозерский как историкограф. С. 141—143.*

ми велик» и имеет каменную стену, а сын купца становится игуменом. В отличие от думающих о «потребе» персонажей Пахомия, герои Ефросина на месте чудесного события строят церковь «прекрасную зело». Когда родители находят сына «играюща», то устремляются к нему «с радостью», когда же он скрывается — они активно действуют: «начаша деврь сеци, опьступиша около великою дружиною, чтобы не убежа отроча. Абие обсекоша всю купину». В основе обоих рассказов лежит один сюжет, более того — один и тот же его вариант. Но за тождеством сюжета скрываются существенные различия в поэтике. По сути дела, перед нами не две разные редакции одного произведения, как полагала М. Д. Каган, а две самостоятельные литературные обработки устного источника. Рассказчиком этой легенды был, скорее всего, святогорец, постриженник Ватопедского монастыря Пахомий Серб, позже сам ее записавший, а вот наличие в сборнике Ефросина другой ее версии позволяет думать, что он был собеседником афонского старца.

Заметим, что в Кирилло-Белозерский монастырь Пахомий Серб приезжал еще при жизни Василия Темного, в 1462 г., когда Иван Дмитриевич-Ефросин еще не мог здесь находиться, так как был, согласно нашим представлениям, в это время князем в Новгороде-Северском. В таком случае, если думать, что Ефросин услышал легендарную историю об основании Ватопеда непосредственно от самого Пахомия, то, скорее всего, это могло произойти в Троице-Сергиевом, а не в Кирилло-Белозерском монастыре.

В сборниках Ефросина имеются списки по крайней мере еще двух сочинений Пахомия Серба. Во-первых, он переписал тропарь и кондак из Службы Стефану Пермскому (КБ 6, л. 169—169 об.), написанной, как установил В. Яблонский, сербским писателем.²⁵⁸ Во-вторых, Ефросин дважды переписал разные версии тропаря Сергию Радонежскому, сделав при этом киноварные пометы на полях: в первом случае — «Епифаниево», а во втором — «Пахомиа Сербина» (КБ 6, л. 196).²⁵⁹ Наконец, как недавно установил М. А. Шибаев, Ефросин Белозерский держал в руках и дополнял пометами на полях сборник, содержавший Житие Сергия Радонежского в автографе Пахомия Серба.²⁶⁰

²⁵⁸ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 158; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические сочинения. СПб., 1908. С. 189—192.

²⁵⁹ В описании сборников Ефросина эти пометы не учтены (см.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 161). Тропарь Епифания Премудрого: «Тропарь, глас 4». Нач.: «От юности въсприаль еси Христа в души своен...». Тропарь Пахомия Серба: «Другои Тропарь, глас 4». Нач.: «Иже добродѣтели подвижникъ, яко въистину на страсти воинъ Христа Бога...» (КБ 6, л. 196).

²⁶⁰ РНБ, Софийское собр., № 1248. Сборник патристический, первоначально входивший в состав библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, содержит ра-

Итак, мы приходим к выводу, что в ранней период своей монашеской жизни Ефросин находился в одной обители с Пахомием — в Троице-Сергиевой лавре, пользовался тем же, что и Пахомий, запасом бумаги, записал легендарный рассказ сербского книжника об основании Ватопедского монастыря, читал и переписывал его сочинения.

К троице-сергиевскому периоду жизни Ефросина, на наш взгляд, следует отнести и написание Краткого летописца. Его текст находится в первой части Троицкого сборника, охватывающей л. 1—46. Здесь встречаются следующие водяные знаки: 1) Конь — л. 4, 6, 8 — *Брике*. № 3571 (1453—1481); 2) Ножницы (л. 23, 24) — *Брике*. № 3744 (1448—1463); 3) Зубр (л. 13, 37, 41) — *Лихачев*. Вод. зн. № 4039 (1459); 4) Голова быка с крестом между рогами (л. 30, 36) — *Лихачев*. Вод. зн. № 2263 (1453).²⁶¹

Мы видим, что три из четырех филиграней (№ 2—4) относятся ко времени до 1463 г. Что же касается бумаги с первым знаком (Конь), имевшей более широкие хронологические границы использования, то она встречается в сборнике КБ 53, а в нем в свою очередь имеется запись 1463 г. Таким образом, по водяным знакам список Краткого летописца Ефросина может быть датирован не 70-ми гг. XV в., как думал Я. С. Лурье, а первой половиной—серединой 1460-х гг., временем, близким к 1463 г.; к более ранней датировке подводит нас и анализ его содержания.²⁶²

Памятник состоит из двух частей — основной и дополнительной. Основная часть начинается родословием русских князей, причем последним назван Василий Васильевич (ум. 27 марта 1462 г.). Более того, родословие завершается фразой: «9-е колено от Всеволода московские князи, а от Рюрика 17 колень московские князи», а следующий великий князь, Иван III (18-е колено), не упомянут. Наиболее позднее летописное известие дополнительной части

нее неизвестный автограф Пахомия Логофета — Житие Сергия Радонежского (л. 329—375). Одна из филиграней бумаги, как установил М. А. Шибяев, тождественна водяному знаку, приведенному в альбоме Лихачева: *Лихачев*. Вод. зн. № 962; из рукописи, переписанной также Пахомием Логофетом в 1442 г. в Троице-Сергиевом монастыре, — РГБ, ф. 304/1 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 180. Это позволяет исследователю датировать примерно этим же временем и список Жития Сергия Радонежского в Соф. 1248. Согласно М. А. Шибяеву, перу Ефросина принадлежат многочисленные пометы на полях рукописи (л. 1, 5 об., 89, 105 об., 126, 161 об., 196, 213, 217, 393), причем, скорее всего, Ефросин сделал их уже после того, как сборник принял современный вид (см. подробнее статью в наст. изд.: *Шибяев М. А.* Новые данные о книгописной деятельности Ефросина Белозерского.

²⁶¹ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 7.

²⁶² См. подробнее: *Бобров А. Г.* Ефросин Белозерский как историограф. С. 136—138.

датировано 1 февраля 6967(1459) г. В этом разделе находится также перечень русских митрополитов. Последний в списке иерархов Иона умер в 1461 г., причем все митрополиты пронумерованы, и завершается список фразой «[В]сех их 29». Имена же 30-го и 31-го митрополитов (Феодосия и Филиппа) добавлены Ефросином явно позже написания основного текста. Важно отметить, что данный перечень иерархов не является «церковно-поминальным», так как в него включен Исидор с пометой «еретик, согнанный с престола». Следовательно, даже если Ефросин упомянул только «прежде бывших» митрополитов, не учитывая современного ему иерарха, составление перечня надо отнести ко времени до 13 сентября 1464 г., когда Феодосий Бывальцев покинул кафедру. Таким образом, как датировка списка по филиграням, так и анализ свидетельств самого текста подводят нас к одному и тому же выводу: Краткий летописец был создан и переписан в первой половине 1460-х гг.

О том, что Краткий летописец создавался именно в Троице-Сергиевом монастыре, свидетельствует то, что книжник использовал при его написании текст Троицкой летописи, созданной и хранившейся в XV в., скорее всего, в Сергиевой обители, а сам труд Ефросина нашел отражение в тексте Московско-Академической летописи, единственный список которой конца XV в. также происходит из библиотеки Троице-Сергиевой лавры.²⁶³ В тексте летописца Ефросина мы находим четыре известия, прямо связанных с Троице-Сергиевым монастырем: 1) «В лѣто 6883 [1375] ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сынъ в Переяславли Юрии, и крести его преподобный игумен Сергие старецъ»; 2) «В лѣто 6900 [1392] преставися преподобный игумен Серги. О, святый старецъ!»; 3) «В лѣто 6936 [1427] преставися преподобный игумен Никон, чюдный старец, сединами цветущими, ноября 17, 5 часу дне»; 4) «В лѣто 6934 [1426] июня 29 сгоре монастыря Сергиева с треть 4 часа дня».

Последнее сообщение о пожаре 1426 г. неизвестно предшествующему летописанию (оно находится в дополнительной части летописца Ефросина, среди пяти записей за 1426—1458 гг.), а первые два известия 1375 и 1392 гг., выписанные из Троицкой летописи, были для Ефросина особенно важны судя по тому, что он вновь их процитировал в записи на полях того же самого Троицкого сборника: «Сергие преставися в лето 6900 месяца семпевра 25, жил 70 лет, 30 лет игуменил, а Никон 40 лет игуменил, потом Сава <...> лет»; «Юрьи Дмитреевич хрестникъ его» (КБ 22, л. 167).

Еще один текст, входящий в состав Троицкого сборника Ефросина, озаглавленный им «От Странника», представляет собой дорож-

²⁶³ РГБ, ф. 173/1 (собр. библиотеки МДА), № 236. На л. 1 запись: «Живоначальная Троицы Сергиева монастыря» (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. С. VII).

ник. Он завершается фразой «От Москвы до Волги 240 версть», а следующая фраза дописана книжником позже, другими чернилами: «От Бѣлаозера до Углича 240 версть» (КБ 22, л. 224 об.). Скорее всего, Ефросин отметил здесь свой маршрут — от подмосковного Троице-Сергиева монастыря до находящихся на берегах Волги угличских владений этой обители, а дополнительную запись сделал, уже попав в Белозерские земли.

5.3. Уход из Троице-Сергиева монастыря

Судя по всему, Ефросин не был связан строгой монастырской дисциплиной и мог покинуть обители неоднократно. Если в сборнике Кирилла Белозерского указано только три причины, по которым инок может покинуть монастырь («Прьвое убо, аще есть игумень еретикъ. Второе же, аще есть въход женскыи въ манастири. Третие же, аще учатся дѣти мирскихъ человекъ»²⁶⁴), то Ефросин в своих сборниках указывает таковых причин шесть (дополнения выделены курсивом):

1. Аще игумень еретикъ или блудникъ.
2. Аще жены приходятъ в монастырь.
3. Аще отрочата приходят во обитель.
4. *Аще слава на кого възидет, яко святъ есть инокъ.*
5. *[А]ще с кѣмъ ненависть и брань будет.*
6. *Аще ли съ юнымъ любовь будет, или впался будетъ с кимъ, сего ради подобает отити от обители»* (КБ 11, л. 243—243 об.; ср. тот же перечень с незначительными разночтениями: КБ 22, л. 442).

Поскольку Ефросин оказывается начиная с 1470-х гг. не в Троице-Сергиевом, а в Кирилло-Белозерском монастыре, ясно, что он по каким-то причинам покинул свою прежнюю обитель; очевидно, он основывался при этом на своем перечне возможных резонов ухода из монастыря, дающем иноку значительно большую свободу действий по сравнению с указаниями преподобного Кирилла. Нам представляется, что сведения о пострижении в иноки князя Ивана Дмитриевича достигли самого «верха», но новопостриженный в Троице-Сергиевой обители монах внезапно пропал из поля зрения властей.

В 1460-х гг. предпринимались меры по розыску некоего пропавшего «на Москве» инока. Формулярный извод Послания митрополита всея Руси новгородскому архиепископу Ионе (1459—1470 гг.) о розыске некоего «ростриженника» дошел до нас в составе наибо-

---

²⁶⁴ Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. СПб., 2003. С. 42 (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 22 об.).

лее полного и официального по своему происхождению сборника митрополичьих грамот.²⁶⁵ В этом Послании, в частности, говорится следующее: «Был здесь на Москве черныч имярек, человек деи был земьскои, рьдиною Великого Новагорода. Да здесь на Москве тем же вражим дияволим прелщением или, мнит ми ся, самоволным своим хотением оставя святыи ангельскии иноческии свои образ и приа сего временнаго прелестнаго света мирьское житие. И здесь, как ростриглься, так бежал в Великии Новьгород. И ныне живет имярек...» (на этой незаконченной фразе текст обрывается).²⁶⁶

Конечно, Иван Дмитриевич «рьдиною» на самом деле был не из Великого Новгорода, а из Углича, но в Новгороде он прожил почти шесть отроческих лет, тут получил монастырское образование, кроме того, здесь находились могилы его отца и сестры. Скрывая свое происхождение, он вполне мог успешно выдавать себя за новгородца — об этом свидетельствует, к примеру, наличие уже упомянутого «новгородизма» — цоканья в записи Ефросина 1463 г. (см. выше, с. 110, сн. 80). Направляя послание в Новгород, митрополит пытался, по-видимому, предотвратить самое неблагоприятное с точки зрения властей развитие событий — расстрижение князя и возвращение его на политическую арену. В пользу предположения о том, что имелся в виду именно Иван Дмитриевич, говорит, во-первых, сам факт помещения, казалось бы, незначительного документа о розыске некоего монаха-«ростриженника» в контекст важнейших митрополичьих актов, а во-вторых, весьма любопытное предисловие к данному посланию митрополита всея Руси новгородскому архиепископу Ионе.

Основная тема этого предисловия — грехопадение Адама, точно так же, как и в предисловии к более раннему посланию церковных иерархов 1447 г. отцу Ивана — Дмитрию Юрьевичу Шемяке. В послании Дмитрию Шемяке речь идет об опасности «самомнетелства обожения» («...положи ему в сердци равнобожество, яко будет яко и Бог, разумевая добро и зло»), в то время как в послании о «ростриженнике» рассуждение об отпавшем «самохотием» от «ангельскаго житья» Адаме явно перекликается с предполагаемым оставлением беглецом «своим хотением» ангельского иноческого образа. Но при всех различиях в мотивировке включения мотива Адама в оба текста нельзя не обратить внимание на сам факт аналогии: в обоих случаях судьба именно Адама является пояснением к последующему изложению.

Более того, прослеживаются некоторые весьма характерные текстуальные сближения между посланием русских иерархов Дмитрию

²⁶⁵ ГИМ, Синодальное собр., № 562, л. 79 об.—80 об.

²⁶⁶ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. С. 123.

Шемяке 1447 г. и посланием о розыске некоего «ростриженника» 1460-х гг.:

Послание Дмитрию Шемяке 1447 г.	Послание о розыске «ростриженника»
«тобе, самоведушему»	«ведомо тебе»
«како по изначальству»	«как убо исперва»
«общего нашего душегубнаго супостата и врага всему человеческому роду диявола»	«общаго нашего супостата, врага диявола»
«праотцу нашему Адаму»	«прадеду нашему Адаму»
«самоинетелством <...> пострада»	«самохотием <...> пострада»

Включение темы Адама, возможно, служило намеком для новгородского архиепископа Ионы, какой именно инок «имярек» находится в розыске и почему митрополит придает этому беглецу такое значение.

Ефросин Белозерский словно бы поднял брошенную перчатку. Если в обоих посланиях церковных иерархов Адам рассматривается как пример сугубо отрицательный, то для Ефросина он относится к числу излюбленных персонажей: неоднократно упоминается в апокрифических загадках, в выписках из апокрифов и т. д. Особенно ясно Ефросин выразил свое отношение к Адаму, поместив в одном из своих сборников текст с характерным названием «О человецѣ», в котором говорится следующее: «Видяше Адама согрѣшающа, но провидяше сущая из него, правды творяща. Зряше его, изгонима из рая, но провидяше, яко тому уготовано бысть Царство. Се же чюдно есть, яко и прежде рая Царствие сътворено бысть. Тѣм же убо что дивишися? Аще изгнанъ бысть Адамъ из рая, сему же паче чудитися подобает: яко и прежде рая Царство Небесное уготовано бысть ему, якоже глаголетъ Спасъ: „Приидѣте, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ Царство от сложенья миру“». ²⁶⁷

Адам для Ефросина, как следует из самого заглавия данного текста, — это прежде всего человек (ср. значение самого его имени в еврейском языке — «человек»), и в нем он видел божественную сущность: «провидяше сущая из него, правды творяща». Не случайно под пером Ефросина появляется и знаменитый лирический «Плач Адама»: «Плакася Адамъ предъ раемо седа...». ²⁶⁸ Кроме того, в КБ 9, л. 224 об. находится выписка из Слова в Великую субботу Епифания Кипрского: «Адамъ глагола Господу въ адѣ, и ужасомъ возопи, и възби в перси своя ко всѣмъ спящимъ от вѣка, рече: „Воскресни из мертвых, осветить тя Христос твои, Аз Богъ твои бывыи“, и про-

²⁶⁷ КБ 9, л. 528 об.; см. также: Каган М. Д., Поньрко Н. В., *Рождественская М. В.* Описание сборников... С. 143.

²⁶⁸ Там же. С. 136.

чая, святого Епифания повѣсть в великую субуту (так! — А. Б.)».²⁶⁹ Делая акцент не на грехопадении, а на спасении Адама, Ефросин, видимо, вступал в скрытую полемику с церковными иерархами, использовавшими этот образ для обличения своих противников.

Итак, мы приходим к предположению, что князь Иван Дмитриевич начал свою иноческую жизнь 6 марта 1463 г. в Троице-Сергиевом монастыре. В качестве монаха Сергиевой обители он какое-то время руководил небольшим углицким Прилуцким монастырем Рождества Богородицы и принял от дьяка Ивана Владимировича Кулудара земельные пожертвования. В Троицком монастыре Ефросин знакомился с библиотекой обители, общался с Пахомием Сербом, создал свои первые рукописные сборники и историко-литературные сочинения. Вероятно, без благословения игумена, «самовольным своим хотением» он покинул обитель и перешел на Белое озеро, в отдаленный Кирилло-Белозерский монастырь.

Если принять предложенную Я. С. Лурье датировку 1470/71 г. полукриптографической записи в «Германовом сборнике» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 101/1178, л. 257: «отшел Ефросин, жил год да три месяца и две недели, а луне 5 круг, лет в руке а, месяца мая по Николене дни»),²⁷⁰ то приход книжника на Белоозеро может быть отнесен к концу января 1469 или 1470 г. Как раз с 1470 г. начинаются регулярные записи Ефросина в его сборниках, и, видимо, наступает основной, кирилло-белозерский период его жизни и творчества. Именно здесь он провел вторую половину жизни и создал целый ряд своих выдающихся сборников.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор статьи осознает, что ни один из взятых по отдельности аргументов в пользу отождествления князя Ивана Дмитриевича и священноинюка Ефросина Белозерского не является окончательным и решающим. Но если это все же разные люди, то мы должны предполагать наличие многочисленных случайных совпадений и остающихся без ответа вопросов:

1. Как объяснить, что Ефросин завершает основной текст своего летописного произведения известиями, посвященными именно Юрию Дмитриевичу, Василию Косому и Дмитрию Шемяке?

2. Почему к упоминанию преподобного Сергия Радонежского Ефросин делает примечание: «Юрьи Дмитреевич хрестникъ его»?

²⁶⁹ Там же. С. 126.

²⁷⁰ Круг луне 5 соответствует 6978 г., а вруцелето а — 6979 г. (см., например: Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. С. 205). День Николы Вешнего — 9 мая; отнимая от этой даты год, три месяца и две недели, получаем 24—25 января 6977 (1469) или 6978 (1470) г.

3. Почему восходящие к летописцу Ефросина памятники неофициального летописания второй половины XV в. излагают историю феодальной войны совсем не так, как официальные великокняжеские летописи, а именно с позиции Юрия Дмитриевича и Шемяки?

4. Почему, переписав «Епистолию о неделе» с датой в оригинале 2 марта 1452 г., Ефросин от себя добавляет: «того году, коли пошелъ князь великий Иванъ Василиевич съ всемъ своимъ воинством на князя Дмитриа Юрьевича на Шемяку»?

5. Почему среди всех летописных источников только связанный с Ефросином Кирилло-Белозерский свод 1472 г. снимает с Дмитрия Шемяки вину за ослепление Василия Темного и перекладывает ее на одного Ивана Можайского?

6. Почему в неофициальном летописании 80-х гг. XV в., восходящем к Кирилло-Белозерскому своду 1472 г., появляется уточненная версия истории отравления Дмитрия Шемяки с явными признаками свидетельства очевидца происходивших событий?

7. Почему соответствующая действительности информация о прямом указании Василия Темного отравить Дмитрия Юрьевича и о передаче яда повару Шемяки боярином Иваном Котовым попадает в неофициальное летописание после того, как Ефросин в конце 1470-х гг. становится игуменом в Ферапонтовом монастыре, где живет едва ли не единственный в это время знавший правду о преступлении человек — бывший духовник Василия Темного Мартириан Белозерский?

8. Почему только в неофициальном летописании прямо утверждалось, что Шемяка был отравлен, причем именно своим поваром, и об этом же, судя по Житию Мартиниана Белозерского, знали и говорили между собой иноки Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей?

9. Чем объясняется особый интерес Ефросина к теме «князя-инока»?

10. Как Ефросин мог в своих сборниках случайно дважды перепутать имя князя Дмитрия Ивановича Донского с именем князя Ивана Дмитриевича?

11. Почему Ефросин обнаруживается в качестве игумена (строителя) Углицкого Прилуцкого монастыря, который находился в тех самых краях, где прошло детство князя Ивана Дмитриевича, в маленькой обители, которой покровительствовал его отец Дмитрий Шемяка?

12. Каким образом знакомый Ивану Дмитриевичу по юным годам дьяк Кулудар оказывается связан с Ефросином, упоминающим его в записи на полях сборника и получившим от него земельный вклад в монастырь?

13. Почему осуществленный через Ефросина земельный вклад Кулудара в Троице-Сергиев монастырь, подобно некоторым вкладам Юрия Галицкого и Дмитрия Шемяки, не был санкционирован великокняжеской властью?

14. Почему в ранней записи Ефросина 1463 г. обнаруживается новгородский диалектизм (цоканье), характерный для территории, где провел годы ученичества Иван Дмитриевич?

15. Как объяснить, что только в ефросиновской версии «Повести о Дракуле» текст завершается известием о получении власти в стране родственником тирана, бывшим ранее, подобно Ефросину, иноком, священником и игуменом?

16. Откуда Ефросин настолько хорошо знал практику применения «княжого права» на Руси, что смог выписать из византийского Земледельческого закона только статьи с нехарактерными для русского права санкциями, опустив главы, соответствующие «обычному праву» средневековой Руси?

17. Почему Ефросин столь независимо ведет себя в монастырской среде — неоднократно покидает обители, оставляет на монастырских рукописях различные записи?

На все эти вопросы и недоумения помогает ответить предлагаемая гипотеза. отождествление князя Ивана Дмитриевича и знаменитого книжника Ефросина, подобно электрической дуге, освещает смысл многих известных событий и фактов истории древнерусской литературы. Мы приходим к объяснению феномена неофициального летописания второй половины XV в. — удивительного явления древнерусской книжности, впервые открытого и осознанного в трудах А. А. Шахматова, А. Н. Насонова и Я. С. Лурье. Как известно, многие исторические события XV в. мы узнаем, благодаря этим памятникам историографии, с двух точек зрения: великокняжеской и неофициальной, что позволило Я. С. Лурье назвать свою книгу так: «Две истории Руси XV века». Исследователь показал, что официальное великокняжеское летописание и независимые летописные своды второй половины XV в. существенно различаются в описании династической борьбы внутри рода Рюриковичей, и в особенности — в описании борьбы за великое княжение первой половины XV в. Как отметил Я. Н. Щапов, летописи в XV в. имели политический смысл, были направлены на обоснование тех или иных прав.²⁷¹ Думается, мы вправе связать с именем нашего книжника, бывшего князя и сына великого князя, саму попытку противопоставить тен-

---

²⁷¹ Щапов Я. Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 173—186 (особенно с. 174, 182—183).

денциозному великокняжескому летописанию собственную версию, «вторую» историю Руси XV в.

Установление новгород-северского княжеского прошлого инока Ефросина делает крайне маловероятной точку зрения «скептиков» — исследователей, считающих «Слово о полку Игореве» подделкой нового времени. Если Ефросин Белозерский — это бывший новгород-северский князь Иван Дмитриевич, и во второй половине XV в. он создает «Задонщину» (или, по крайней мере, ее Краткую редакцию), в которой новгород-северское княжество *не упоминается*, то представляется абсолютно невозможным совпадением, чтобы спустя три столетия, по версии «скептиков», на основе «Задонщины» мог быть создан рассказ о походе *именно* новгород-северского князя — ведь автор подделки не мог никоим образом знать о доиноческой биографии Ефросина. Напротив, кажется вероятным, что «обретение» «Слова о полку Игореве» было связано с деятельностью бывшего новгород-северского князя Ивана Дмитриевича, позже — инока Ефросина, который перенес этот текст из княжеско-дружинной рукописной традиции в монастырскую (или из устной традиции — в письменную?)²⁷² и использовал его при создании Краткой «Задонщины». Есть основания полагать, что «Слово о полку Игореве» во второй половине XV в. было в руках у Ефросина Белозерского. Поскольку сам Ефросин одно время был новгород-северским князем, защищавшим от «поля» южные рубежи Русской земли, постольку тема похода в степь князя Игоря Святославича была ему особенно близка и вызывала у него определенные личные ассоциации.

Реконструкция биографии Ефросина Белозерского, положившего своим уходом в монастырь конец длившейся более трех десятилетий феодальной распре, позволяет по-новому взглянуть на весь характер его литературно-просветительской деятельности. Он предстает теперь перед нами не только как один из центральных персонажей в истории русской книжности XV в., но и как трагическая и величественная, воистину шекспировского масштаба, фигура российской и мировой истории.

Больше, чем «суета мира сего», Ефросина Белозерского привлекали проявления на земле Царства Небесного и Духа Святого. Последний по хронологии из дошедших до нас в автографе Ефросина текст, переписывание которого было начато им 8 февраля 1500 г., — это «Чин и Устав, како святити святое миро» с особым рецептом его приготовления. Здесь говорится о действиях и мо-

---

²⁷² Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский. Р. 285—298 (раздел 5: Ефросин Белозерский — автор записи «Слова о полку Игореве?»).

литвах для призвания на землю, «в миро сие», Святого Духа. Этот обряд, совершаемый на Страстной седмице, как прямо отмечено в тексте Ефросина, являлся тайным («облечется архиереи съ священники, могущими таину хранити, яко да мирьскимъ будет утаено» — Соф. 1462, л. 98). Рецепт составления мира Ефросина («А се имена зелиамъ греческы и русскы») отличается от принятого ныне в церковной традиции и содержит, наряду с вином и маслом, 15 растительных компонентов (Соф. 1462, л. 111об.—112).²⁷³ Согласно церковной практике, миро использовалось при крещении, при освящении храмов и антиминсов, а также при возвращении в лоно церкви раскаявшихся еретиков (миропомазание на царство, как показал Б. А. Успенский, впервые было совершено на Руси только в 1584 г.²⁷⁴).

Поскольку по церковной традиции в новое приготовленное священное вещество обязательно выливаются остатки прежнего,²⁷⁵ состав современного мира, которым «все мазаны», на молекулярном уровне должен сохранять отголосок давнишнего мира Ефросина Белозерского.

Р. С. После того как настоящая статья уже была завершена и отредактирована, вышли в свет две существенные для нашей темы работы, авторы которых основывались на предварительном изложении нашей базовой гипотезы в статье 2005 г.²⁷⁶

В монографии А. Ю. Чернова, посвященной «Слову о полку Игореве», имеется раздел, названный «Поклон от старца Ефросина». Отождествление князя Ивана Дмитриевича и священноинока Ефросина принимается автором книги как «весьма убедительная многоуровневая атрибуция».²⁷⁷ Подтверждение нашей гипотезы А. Ю. Чернов видит в том, что Краткая Задонщина, принадлежащая перу Ефросина, не только содержит чтение «великаго князя Ивана Дмитриевича» (которое исследователь признает не опиской, а подписью, сфрагидой), но и добавляет, сравнительно с другими списками, еще трех Иванов — Ивана Калиту, Ивана Сано и Ивана Белозерского.²⁷⁸

---

²⁷³ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Чин мироварения...

²⁷⁴ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 14.

²⁷⁵ *Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. 6-е изд., испр. и доп. СПб., 1900. С. 614.

²⁷⁶ *Бобров А. Г.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский. Р. 238—298.

²⁷⁷ *Чернов А. Ю.* Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 49—50.

²⁷⁸ Там же. С. 50.

Другая недавняя работа, связанная с нашим исследованием, — это статья М. А. Шибаева о некоторых загадках биографии Ефросина Белозерского.²⁷⁹ Признав предложенную нами гипотезу о биографии книжника «наиболее интересной», исследователь обратил внимание на некоторые уязвимые, с его точки зрения, положения.

М. А. Шибаев видит следующее противоречие между датами: с одной стороны, Ефросин оставляет писцовую запись на книге уже в понедельник, 18 июля 1463 г., а с другой — известие о посольстве из Новгорода в Литву, к князю Ивану Дмитриевичу, помещено в Летописи Авраамки в конце годовой статьи 6971 г. (до конца августа 1463 г.). Внимательно проанализировав состав годовой статьи 6971 г. в Летописи Авраамки, исследователь показал, что летописец использовал сентябрьский год и располагал известия «в относительной хронологической последовательности». «Это означает, — пишет М. А. Шибаев, — что еще в самом конце лета 1463 г. Иван Дмитриевич Шемятич воспринимался новгородцами как вполне дееспособный политик, никак не связанный с Кирилло-Белозерским монастырем <...> и это делает невозможным отождествление Ефросина и князя Ивана Дмитриевича».²⁸⁰

Поскольку известие о посольстве Новгорода в Литву помещено после известия о пожаре 28 августа 1463 г., но до окончания 6971 г., следуя логике М. А. Шибаева, мы должны были бы датировать его поразительно точно: 29—31 августа 1463 г. Вчитаемся, однако, в текст летописной статьи:

«Того же лѣта послаша Навгородци посоль свой Олуфѣрья Васильевича Слизина къ королю в Литву о княжи возмущении еже на Великий на Новѣгородъ Ивана Васильевича; такоже и Микиту Левонтьѣва ко князю Ивану Ондрѣвичю Можайску и къ князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великомъ Новѣгородѣ от князя великого, и имашася побороть, како Богъ изволи».²⁸¹

Мы видим, что речь идет о протяженных во времени событиях, которые никак не могли уместиться в оставленные на них М. А. Шибаевым три последних дня 6971 г. Здесь рассказывается об отправке не одного, а двух посольств, которые успели съездить в Литву и привезти в Новгород ответ на сделанные предложения. Более того, продолжая свой рассказ, автор пишет: «И тое зимы (курсив мой. — А. Б.) умири Богъ...». Поскольку следующая статья 6972 сентябрьского

---

²⁷⁹ Шибаев М. А. Загадки биографии инока Ефросина — книжника Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XV в. // История и культура: Актуальные проблемы: Сб. статей в честь 70-летия проф. Юрия Константиновича Руденко. СПб., 2005. С. 85—93.

²⁸⁰ Там же. С. 88.

²⁸¹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

года начинается точно датированным известием от 14 сентября 1463 г., можно уверенно утверждать, что речь здесь идет не о грядущей, а о прошедшей зиме 1462/63 г. В таком случае можно сделать вывод, что обмен посольствами между Литвой и Новгородом происходил не позже зимы 1462/63 г., по крайней мере за полгода до 18 июля 1463 г., когда Ефросин Белозерский оставил свою первую писцовую запись.

Почему же автор Летописи Авраамки поместил рассказ о посольствах и примирении в самом конце годовой статьи 6971 г., если речь шла о событиях первой половины этого года? Сравнение с принципом построения других статей Летописи Авраамки позволяет убедиться, что в их конце автор неоднократно помещает недатированные внешнеполитические известия, как бы резюмирующие события минувшего года. Так, например, статья 6966 г. завершается фразой «Того же лѣта послаша Новгородци посадника Ивана Лукынича Щоку в Литву прошать у короля у Казимира князя на пригородѣ»; статья 6968 г. — рассказом о том, что князь Василий Васильевич «покрѣпилъ Орѣшка городка», повторная статья 6968 г. — известием о военных столкновениях псковичей с немцами; статья 6972 г. — известием о приезде в Новгород князя Ивана Белозерского. Таким образом, соображение М. А. Шибаева о датировке новгородского посольства в Литву концом, а по сути последними тремя днями августа 1463 г., представляется абсолютно недопустимым, и, соответственно, его вывод о невозможности отождествления князя Ивана Дмитриевича и инока Ефросина не может быть принят.

Другой («правда, косвенный») аргумент М. А. Шибаева против подобного отождествления заключается в том, что Кирилло-Белозерский монастырь «был своего рода цитаделью промосковского влияния»; «к монастырю проявлялся постоянный интерес со стороны великих князей, так что Иван Дмитриевич был бы сразу опознан и арестован».²⁸² На это можно возразить, что сын Шемяки покинул Русь еще безбородым юношей, в возрасте менее 17 лет, и опознать князя в священноиноке было весьма непростой задачей. Кроме того, Иван Дмитриевич выполнил требование, предъявлявшееся некогда его отцу (уход в монастырь), поэтому власти могли, даже зная или догадываясь о его местонахождении, довольствоваться тем, что опасный соперник находится под контролем. Фраза М. А. Шибаева «судя по своей дальнейшей биографии, Ефросин мало напоминал бывшего опального князя»,²⁸³ не вполне понятна. Каким именно образом, с точки зрения исследователя, должна была складываться последующая биография инока Ефросина, если он ранее был кня-

²⁸² Шибаев М. А. Загадки биографии инока Ефросина... С. 88—89.

²⁸³ Там же. С. 89.

зем? Между тем сам М. А. Шибаев признает, что кирилло-белозерский книжник «в монастыре обладал высоким статусом <...>, выполнял функции библиотекаря, справщика и уставщика». ²⁸⁴ Независимость поведения и взглядов Ефросина, на наш взгляд, как раз полностью соответствует его предполагаемому происхождению.

Наличие в сборниках книжника многочисленных записей с датами переписки произведений М. А. Шибаев объясняет тем, что «до своего пострига в монахи будущий инок Ефросин был так или иначе связан с составлением документов, где требовалась точность датировки, возможно на небольших постах при великокняжеском дворе», при этом личное знакомство монаха с «видными представителями дьяческого аппарата» приводит исследователя к выводу, что сам Ефросин ранее также был дьяком. ²⁸⁵ На наш взгляд, и предполагаемая связь книжника с составлением документов, требующих точной датировки, и его близкое знакомство с представителями высшей дьяческой бюрократии совершенно не противоречат гипотезе о княжеском происхождении Ефросина, а скорее подкрепляют ее.

Наконец, в работе М. А. Шибаева имеются доводы против предложенного Я. С. Лурье отождествления Ефросина — составителя сборников и Ефросина — игумена Прилуцкого Рождественского монастыря. ²⁸⁶ М. А. Шибаев выразил сомнения в том, что почерк грамоты прилуцкого игумена Ефросина может принадлежать Ефросину Белозерскому, хотя «черно-белое воспроизведение не позволяет сделать однозначные выводы». ²⁸⁷ «Наиболее характерное несоответствие», по его мнению, — это написание «у», которое у Ефросина почти всегда передается диграфом «оу» или, в редких случаях, в виде лигатуры. Утверждение исследователя, что в сборниках кирилло-белозерского книжника нет характерного для грамоты прилуцкого игумена одинарного написания «у», является ошибочным: можно привести пример такого написания даже в иллюстративном материале данной статьи — в Кратком летописце Ефросина (Пог. 1554, л. 14 об: «Ивану»; см. рис. 4 на с. 145).

«Еще одним аргументом против отождествления двух Ефросинов, — пишет далее М. А. Шибаев, — является данная грамота Троице-Сергиеву монастырю на село Прилуцкое с деревнями, датированная публикаторами 30—40-ми годами XV века», в которой «упомянут как первый послух поп Ефросин». ²⁸⁸ Дело, однако, заключается в том, что датировка упомянутой грамоты № 155, предложенная

²⁸⁴ Там же. С. 92.

²⁸⁵ Там же. С. 89—90, 93.

²⁸⁶ См.: Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец. С. 345—356.

²⁸⁷ Шибаев М. А. Загадки биографии инока Ефросина... С. 90.

²⁸⁸ Там же. С. 90—91.

публикаторами, более чем приближительна и условна. Издатели пишут: «Дата грамоты, с учетом сказанного об акте 39, может быть *предположительно* (курсив мой — А. Б.) принята как: 1430-е—40-е гг.».²⁸⁹ Такое утверждение основано лишь на том, что грамота № 39, также «*предположительно*» отнесенная к 1410—1430-м гг. XV в., упоминает о вкладе некоего Ивана Андреевича,²⁹⁰ а грамота № 115 является «данной» его вдовы Оксиньи. Учитывая, что вообще «датировка многих актов (особенно конца XIV—первой половины XV в.) пока весьма приближительна»,²⁹¹ а годы жизни Ивана Андреевича и его вдовы Оксиньи пока даже приблизительно не установлены, основания для отнесения грамоты № 115 к 30—40-м гг. XV в., а не к более позднему времени, являются весьма зыбкими.

Таким образом, предпринятая М. А. Шibaевым попытка найти факты, противоречащие нашей гипотезе, не представляется убедительной. Приведенные им аргументы не являются доказательными, а порой служат в пользу наших представлений о происхождении белозерского книжника. Пока предложенная гипотеза о тождестве князя Ивана Дмитриевича Шемякина и священноинюка Ефросина не опровергнута.

---

²⁸⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 1. С. 115 (№ 155).

²⁹⁰ Там же. С. 46—47 (№ 39).

²⁹¹ Семенченко Г. В. О хронологии троичских актов конца XIV—первой половины XV в. С. 100.